

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ

Издательство „Правда“. 1947 г.

9

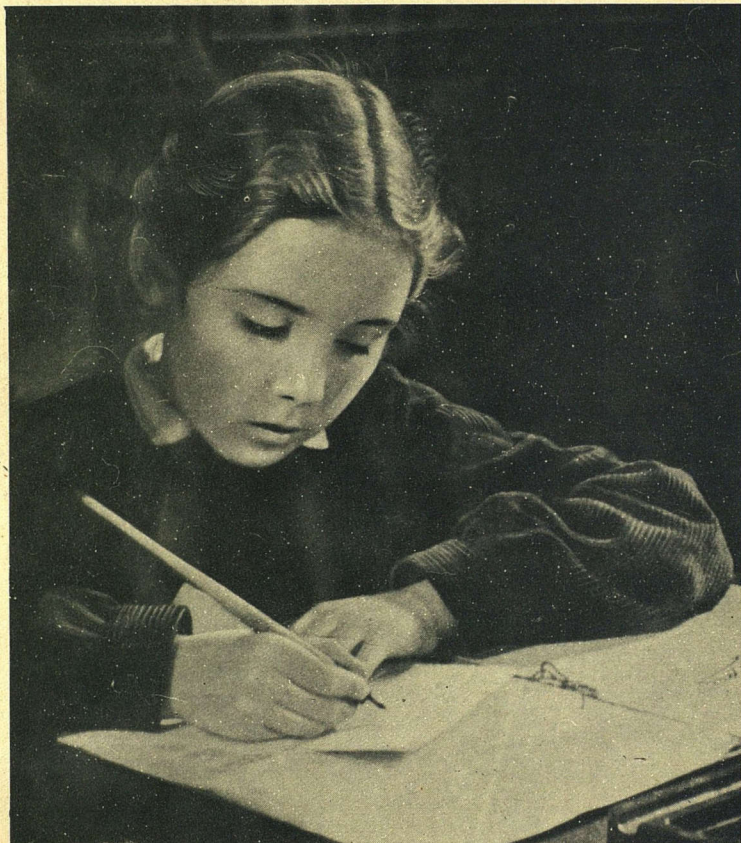
№ 9

СЕНТЯБРЬ

1947 г.

П И О Н Е Р

*Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ*

Школьница.

Фото М. Бугаевой

МОЯ ШКОЛА

3. Александрова

Рис. Н. Лапшина

Пора, пора, ребята!
Звонок торопит в класс.
Весной ходил я в пятый,
В шестой иду сейчас.
Школа,

Школа,

Школа,

Любимая моя,
Из лагеря весёлый
К тебе вернулся я.
Друзья мои, здорово!
Какой у нас урок?

Встречаемся мы снова
На долгий, долгий срок.
Хороших, новых книжек
Я на зиму припас...
А парты стали ниже,
И будто меньше класс.
Мы выросли, как в сказке,
У карты я стою,
И пальцем без указки
Аляску достаю.

Ребята, старше классом
Мы стали пятый раз,
И даже кто-то басом
Заговорил у нас.
В знакомой гимнастёрке,
Войдёт учитель в дверь.
Учиться на пятёрки
Мне хочется теперь.
Школа,

Школа,

Школа,

Любимая моя,
Из лагеря весёлый
К тебе вернулся я!

На уроке биологии в 204-й московской школе.

В одной школе

Н. Розенкоп

Однажды (это было прошлой зимой) в 204-й школе собрались бывшие ученики школы. Пришли взрослые, даже пожилые люди. Ведь школа существует тридцать лет. Теперь у прежних учеников за плечами была большая жизнь, их дети уже ходили в школу. Но, получив приглашение, они отложили все свои дела и приехали.

Представьте себя на их месте. Вот вы уже взрослый и солидный человек. Может быть, учёный, может быть, моряк или инженер. Вам лучше знать, кем вы будете. В один прекрасный день школа, в которой вы учились, где прошло всё ваше детство, присылает письмо: «Приезжайте!»

Как бы вы ни были заняты в этот вечер, что бы ни задумали, вы отложите всё.

Сколько лет вы не были в этом переулке! Вот знакомый дом... Переступив его порог, вы поднимаетесь по лестнице. Даже если вы привыкли

теперь ходить тихо и размеренно по этой лестнице вам захочется взбежать. Вот широкий подоконник в коридоре, сколько он знает тайн! Если идти по коридору, третья дверь направо — ваш класс. Вы обязательно войдёте в него, вы захотите сесть за свою парту. Только теперь уже не усядетесь так удобно, как бывало: парты стали малы.

Но самое главное впереди. Вы увидите своих учителей, ребят, с которыми учились. Конечно, они теперь вовсе не похожи на ребят. Но разве можно не узнать соседа по парте!

В большом зале собрались люди разных профессий и возрастов — двадцать выпусков. В кресле на самом почётном месте сидела Клавдия Васильевна Полтавская, первый директор школы. Теперь ей было уже очень много лет, она не могла сама подняться по лестнице, ученики внесли её в зал на руках.

— Как я рада видеть вас всех! — сказала им старая учительница. — Ведь я люблю вас, как в прежние время!

И «прежнее время» весело вошло в собрание. Послышались разговоры про «ребят нашего класса», кто, где, когда вывелись. Казалось, зашестели страницы учебников, тетрадок в клетку и линейку. Вот в этих стенах Женя Жаров взял в руки первый букварь. Здесь Зина Грудская, теперь она инженер, выучила таблицу умножения и впервые услышала про Архимеда. Много лет назад тихий Феликс Зигель поднял руку и спросил, что такое бесконечно малое. И может быть, именно в тот урок, слушая объяснения учителя, он решил стать астрономом, а теперь владеет звёздным небом Планетария. В немецком плену, в тюрьме, Аня Лесина вспоминала спор на уроке литературы, что такое принцип. Нет, не было ни одного урока, который не пригодился бы им в жизни. Здесь они узнали начала всех наук, увидели целые миры. Здесь сложились их характеры, их взгляды на жизнь. Школа вырастила их и вывела на самостоятельный путь. Вот почему с такой любовью они встретились со своими старыми учителями, заходили в свои классы, садились за парты.

Особенная ли эта школа, которую так любят её ученики? Нет, ребята, это одна из обычных советских школ, в которых миллионы ребят становятся достойными гражданами нашей великой страны.

Сегодня мы познакомим вас с ней, расскажем об учениках, которые идут к знаниям, хотя порой и разными путями. Расскажем об учителях, о делах, которые происходят в этом большом и светлом доме. Многие напомнят вам, наверно, и вашу школу.

Слышали ли вы про лабораторию Юры Любимова?

— Нет, не слышали, — ответили мы, и нас познакомили с Юрой, с одним из активнейших членов кружка юных физиков.

Многие приборы в школьном физическом кабинете сделаны его руками. И у себя дома Юра устроил целую лабораторию — 50 приборов. К Юре часто приходят товарищи. Здесь они вместе ставят опыты, читают, часто подолгу ведутся здесь жаркие разговоры о любимой науке. Трудно вспомнить, как Юра стал увлекаться физикой. Может быть, это началось с молнии. Учитель показывал опыт, и в классе блеснула яркая искра.

— Это молния, которую вы видели на небе, — сказал учитель.

А может быть, юрino увлечение началось ещё раньше, когда маленькая свинцовая ко-

робочка, словно пароход, спокойно проплыла от края до края тарелки, а, свёрнутая в комок, упала на самое дно. Или в тот урок, когда они поставили на весы гири и, словно кусок дерева, взвесили невидимый, прозрачный воздух.

В тот или другой урок, но физика стала любимым предметом Юры.

Очень странно, когда мальчик стоит в тёмной комнате и причёсывается у зеркала. Странно, по его опыту. Да, электричество живёт в волосах, из-под расчёски всплывают яркие искорки. Странно, когда мамины иголки рассыпаны по столу, а мальчик, словно колдун, делает над ними какие-то пассы рукой. И, вздрогнув, иголки вдруг тянутся к его руке. Вот как действует магнит.

Но всё это, как говорит Юра, — детские опыты, он даже забыл о них. Его лаборатория в углу комнаты сейчас состоит из двух столов и шкафа, здесь стоят и солидные приборы, технические весы, амперметр, вольтметр и разные самодельные спиртовки, пинцеты, стеклянные банки и мензурки. На полке лежат книги по физике.

Юра ведёт журнал опытов. Рядом с обычными рабочими записями встречаются выписки из книг, мысли и наблюдения самого мальчика. По ним видно, как внимательно слезит Юра за достижениями современной физики. В своей лаборатории он часто пробует повторять опыты больших учёных. Конечно, не всегда удаётся достигнуть нужных результатов. Но Юра уже не раз заглядывал в сложный и увлекательный мир науки. Мир этот велик, и учение Юры Любимова стоит сейчас ещё на первой ступени знания. Но тот, кто с детства учится серьёзно и вдумчиво, — тот успешно пойдёт вперёд!

„Как это могло случиться?“

Хорошо, когда ученик любит своего учителя так, как Юра Любимов — преподавателя физики Бориса Ивановича Майоранова. Но бывает и не так. В одном классе был «нелюбимый учитель». Он преподавал черчение. Сам по себе это, конечно, очень интересный предмет, но мальчики жаловались, что учитель поитирается. Стоило ему взять в руки чертёж, он сразу говорил:

— Вот здесь ты перегинул линейку...

Это было верно. Именно здесь, где линия, казалось, чуть вздрогнула, мальчик перегибал свою линейку. Конечно, можно было сделать аккуратнее, более осторожно отнять линейку, но так случилось...

— Как это случилось, как это могло случиться?! — сердился учитель.

Он быстро проводил длинную прямую линию. Он перегибал линейку и влево и вправо, а линия получалась ровная, как стрела.

Хорошо заниматься в школьной читальне! тишина. И все нужные книги под рукой.

Здесь всегда такая сосредоточенная, строгая. Мальчики очень любят свою библиотеку.

— Вот, вот, смотрите!..

Учитель черчения любил этот ясный мир чётких и строгих линий. Ему было обидно, что мальчики так небрежны.

— Вот вы начертите криво, — говорил он, — и по вашему чертежу выстроит кривую колонну, а вот такая шестерёнка может сломать всю машину...

Нельзя сказать, чтобы мальчики не понимали правоту учителя. Конечно, они понимали, но и колонны и шестерёнки — всё это было в будущем. «А пока мы не чертёжники и нечего так придирааться!» — говорили они.

Учитель приходил на урок с целым альбомом чертежей, он радостно раскрывал свою папку. Но неожиданно взгляд его падал на чьё-то нахмуренное или сонное лицо, и ему становилось скучно среди этих мальчиков.

Если вы хотите знать, ребята, урок и преподавание зависят не только от учителя, но и от вас. Представьте себе отворённые двери, в которые никто не входит. Вот так бывает на уроке, когда ребята не слушают или не понимают. Ведь каждый учитель, добрый он или сердитый, любящий или нелюбимый, открывает перед вами двери в свой храм, в свою науку. Входите, учитесь!

Легенда о придирах, предубеждение мешали ученикам понять своего учителя. Но это не могло жить долго. Один за другим, порой с удивлением, мальчики обнаруживали, что учитель вовсе не придирается. Не хочет «срезать» своих учеников. Конечно, он часто сердится. Но, действительно, разве можно спокойно видеть кривую линию или дом, покосившийся на бок? Нет, нельзя. Мальчики это понимали. Суровый, «нелюбимый» учитель научил их чертить точно, ясно и строго. Наверно, они ещё с благодарностью вспомнят его сердитые слова:

— Ну, как это могло случиться?

Победа ученика

У каждой отметки своя история, это известно. Как-то один генерал рассказывал историю одной отметки, которую он получил, кажется, ещё в четвёртом классе. Это была неприятная двойка по арифметике. Отец узнал об этом и взял слово, что он её исправит. В чудесный солнечный день мальчик сел учить арифметику. Его приятели в это время играли на улице в футбол, на столе лежал недочитанный роман Жюль Верна, а в книно шла новая комедия. Одним словом, соблазнов

Московские пионеры в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.
С картины В. Вникурова.

была масса, но мальчик пересилил себя и выучил урок. А рассказал это генерал, отвечая на вопрос ребят о своей первой победе.

— Да, это была первая в моей жизни и, пожалуй, самая трудная победа. Я победил самого себя, — сказал генерал.

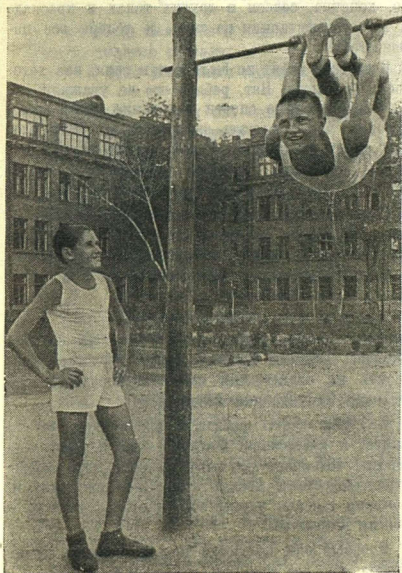
Если подумать, ребята, то каждый день в нашей жизни бывают такие победы или поражения.

Каждый отличник или хороший ученик, даже если он и очень способный, — это прежде всего человек сильной воли. Вот послушайте, как учился в 204-й школе один мальчик. Он просил нас не называть его, потому что ему стыдно вспоминать прошлое. Назовём его Ивановым.

В пятом классе он получил две перекладные — по немецкому языку и математике. Осенью он с трудом сдал их. В шестом классе по немецкому языку у него снова была двойка. Еле-еле он перешёл в седьмой класс.

Но вот случилось важное событие: Иванов подал заявление в комсомол. Долго думали члены комитета комсомола над его заявлением и решили: не принимать, временно воздержаться.

— Что значит временно? — спросил Иванов.

Это Алексей Фашевский (стоит) и Женя Янушевич, члены гимнастической секции 204-й школы. Оба они участвовали во Всесоюзном параде физкультурников.

— Это значит, когда ты станешь лучше учиться, мы примем тебя, — сказал секретарь.

— Но я ведь и так стараюсь, — сказал Иванов.

— Ты можешь учиться лучше.

Случалось ли вам прочитать какую-либо страничку сверху до низу и потом обнаружить, что собственно, даже не знаешь, о чём только что прочёл? Мысли были где-то далеко. Как будто ты сделал всё, что надо: не бежал, не лодырничал, прочёл весь урок от начала до конца, а ничего не вышло. Отличник Алик Березин называет это состояние удивительно точно. «Лень думать», — говорит он про такие случаи.

Иванов, о котором мы говорим, должно быть, принадлежал к тем людям, которым всегда «лень думать». Он читал учебники, но не вдумывался в них, он запоминал даты, но мысль его не уходила в глубь веков, где происходили эти события.

Так Иванов учился долго, несколько лет. Урок, который он получил на комитете комсомола, был очень тяжёлый. Он очнулся. Учиться хорошо во что бы то ни стало! — это стало его целью. Это разбудило его дремавшую мысль. Настойчиво и упорно он заставлял себя вдумываться, понимать прочитанное, он не позволял мыслям разбегаться. Немецкую грамматику он не заучил, а понял. Он мог теперь применить её в диктанте, мог по всем правилам грамматики построить немецкую фразу.

Конечно, это случилось не сразу.

Дорого доставались ему знания. Правда, хорошо помогали друзья-комсомольцы, но всё же трудно было победить свою «лень думать».

Наконец пришёл счастливый день — Иванов был принят в комсомол и получил комсомольский билет; он завоевал его, как солдат в бою, — победой!

То, чего нет в программе

В шестом классе Боря Горбачевский мог прочитать наизусть всего «Евгения Онегина».

Члены исторического кружка школы написали такие интересные и содержательные работы о Москве, что кружок получил почётную грамоту.

Ученик 9-го класса Миша Калика на тридцати трёх страницах написал критический очерк о выставке современной польской графики.

220 мальчиков объединились в общество по изучению Арктики.

На первый взгляд, между этими фактами нет ничего общего. История Москвы, Арктика, «Евгений Онегин», польские художники.

Да, всё разное, но это и показывает, как широкий круг интересов мальчиков.

Школьная программа не заставляла Боря Горбачевского читать «Евгения Онегина» наизусть, никто не задавал ученикам 9-го класса сочинения о польской прапоре. В общество «Арктика» вступили мальчики самых различных классов. Они прочитали много книг про Арктику, готовились и выступали с докладами, выпустили газеты «В снегах Заполярья» и «Среди льдов и мрака ночи». Они переписывались с полярниками с острова Уединения. И когда начальник зимовки приехал в Москву, он побывал в школе.

Порой встречаются ученики, которые живут «от сих до сих пор», — что задано, только то и выучено. Скучно так учиться! Знания этих ребят можно измерить страницами учебника, а музыку, например, они знают только по урокам пения. Но ведь за каждым учебником стоят десятки интереснейших книг, каждый урок — это окно в новый мир.

— Никто не упрекнул бы меня, если бы я вспоминал только то, что мне задали. Но мы, советские люди, привыкли стремиться вперёд и вперёд...

Так однажды сказал лауреат Сталинской премии, сташаповец Василий Матросов. Он говорил о взрослых. Но и ребята стремятся вперёд. Это закон жизни в нашей стране. Пожалуй, самое важное, самое лучшее в 204-й школе — это стремление к глубоким и широким знаниям.

Вспоминается, как в прошлом году по вечерам здесь были лекции о русской и советской музыке. Зал был переполнен.

Вспоминается, как драмкружок выбирал мальчика, который будет играть роль Чацкого. Один за другим выходили участники этого необычного конкурса на сцену и читали монолог Чацкого. Члены драмкружка сурово обсуждали, кто из них лучше понял эпоху, характер Чацкого, кто сможет глубоко и верно сыграть эту трудную роль. Стоит посмотреть на афиши, которые хранятся в пионерской комнате: «Вечер, посвящённый А. М. Горькому», «Вечер, посвящённый Вл. Маяковскому», — и вспомнятся многие интересные вечера.

Школа в своих стенах не может вместить всего, чем богат каждый наш город, не может пригласить всех лекторов, посмотреть у себя все фильмы — это ясно. Но она многое подсказывает ученикам.

Если на лекции в Политехническом музее вы увидите группу ребят, наверно, среди них окажутся и ученики 204-й школы. Они не пропускают интересных лекций!

Каждую субботу Вера Михайловна Валавина, преподавательница литературы, обсуждает со своими учениками, кто куда пойдёт завтра, что надо поччитать предварительно, на что обратить

внимание. Воскресные прогулки по Москве вошли в обычай у мальчиков. И сколько нового узнали они о тех самых улицах, по которым раньше проходили равнодушно.

Какое вам дело?

— Какое тебе дело? Хватит, меня уже ругали дома.

— Никто не собирается тебя ругать. Я просто говорю: подойди к газете.

Володя увидел пять весёлых рисунков. Вот мальчик бежит, вот он догоняет, вот он вскакивает... А что это за жёлтая открытка?

«13-м отделением милиции вчера был задержан ученик вашей школы Владимир Рубановский за проезд на буфере троллейбуса...»

Володя растерялся: этого он не ожидал; он надеялся, что в школе не узнают, в крайнем случае ждал, что его вызовут классный руководитель, директор, и приготовился к этому. Но услышать, как ребята смеются у газетки, как читают вслух эту открытку, как в сотый раз задают коварный и насмешливый вопрос: «И долго ты там просидел?» — этого Володя не ожидал. Он думал сам рассказать ребятам о вчерашнем приключении, но, конечно, совсем в других тонах и красках. А тут его выставили на смех, и теперь все потешаются!

В шутках ребят не было сочувствия, как хотелось бы Володе. Нет, ребята его не уважали.

Человеку легче снести наказание, даже очень суровое, чем испытать презрение или отчуждение своих товарищей. Порой дороже всякой похвалы одобрение, которое прочтёшь в глазах друзей. Такова сила общественного мнения.

В четвёртом классе этой школы был мальчик С., который очень плохо вёл себя. Но ребята не говорили ему об этом; наоборот, они поддерживали его проделки, рассказывали о них друг другу, и он чувствовал себя героем.

Но вдруг отношение к этому мальчику резко изменилось. Это началось со сбора, на котором пионеры решили просить совет дружины приосвоить их отряду имя великого революционера Феликса Эдмундовича Дзержинского.

На трёх сборах ребята с увлечением читали книги, и «Железный Феликс» стал их любимым героем. Но совет дружины сказал, что сейчас отряд недостойно носить такое светлое имя. И, понутив головы, члены совета отряда ничего не смогли возразить.

Первые они подумали про всю жизнь своего отряда, про все дела, про всех пионеров.

С этого дня и изменилось отношение ребят к С. Ребята поняли: нет ничего смешного в его проделках. Он плохо учится, мешает учиться

другим, дерзко отвечает учителям, дерётся. С. срывает работу отряда.

Сначала попробовали поговорить с ним по-дружески, он ответил грубо и ушёл насмешливый. Он продолжал хорохориться, и ребята всё больше отходили от него.

Страшно остаться одному, чужим для всех ребят. С. это испытал. Он, привыкший командовать другими, теперь готов был дружить хоть с первоклассником.

Классный руководитель сказал на педагогическом совете:

— С. очень изменился за последнее время, изменился к лучшему. По-моему, на него подействовали пионеры.

Так решила дружина

Четыреста пионеров в школе. Четыреста мальчиков, которые сказали:

— Я буду достойным гражданином Советского Союза.

Подумайте, какая это большая сила, столько верных и смелых мальчиков!

Если бы они были разведчиками на фронте, то узнали бы многие тайны врага. Если бы им пришлось сесть на коней, это был бы целый эскадрон. Четыреста сабель блеснули бы в их руках. Если бы их взяли на корабль, четыреста бесстрашных матросов вступили бы на палубу.

Но Родина сказала: вы должны учиться в школе.

Нет ни коней, ни палубы, ни тёмных лесов, ни встреч с врагом. А есть школа — обычные классы, обычные парты, учебники и тетради. Покажите свою силу, пионеры!

Перед школой заброшенный пустырь. Его легко измерить шагами. Пясть земли! Но за такие кусочки земли бойцы шли на смерть, потому что это родная, советская земля. Почему же здесь, перед школой, она лежит заброшенная, грязная и беспризорная?

— Каждый должен посадить здесь хотя бы одно растение! — так решила дружина.

И перед школой возник сад. Нельзя сказать, что он «раскинулся». Он ещё очень молод. Многие деревья тут — ещё «подростки». Ма-

В прошлом году, приступая к занятиям по ботанике, преподавательница биологии Евгения Алексеевна Соколова возила учеников на юннатскую станцию, а теперь при школе есть свой участок. Ребята создали его на пустыре. Вот один из самых младших юннатов — второклассник Женя Хоросhev.

ленькая ёлочка, наверно, зимой доверху покрывается снегом, вся её высота — сорок сантиметров. Но теперь перед школой уже не пустырь, а молодой зелёный сад.

Он вырастет, поднимется ещё не скоро. Многие ребята окончат школу прежде, чем ёлочка дотянется до окна. Но сад будет жить. Ребята посадили его для будущих учеников, для каждого, кто войдёт в школьный двор. Они посадили свой сад для Родины.

Однажды (это снова будет зимой) в школе соберутся прежние ученики. Придёт физик, Юрий Анатольевич Любимов, но Борис Иванович, конечно, назовёт его Юрой. Придёт Иванов, настоящую фамилию которого мы скроем до тех пор. С волнением, наверно, пройдёт он мимо тех комнат, где научился думать.

— А что теперь в слесарной мастерской? — спросит Червов и спустится вниз к своему верстаку.

А вот и «нелюбимый» учитель. Сколько учеников подошло сейчас к нему!

«Вот здесь висела газета», — вспомнит Володя Рубановский. Два старых друга — Миша Гельман и Алис Березин — садут, конечно, рядом. Только теперь уже не за парты, а за большим столом. Все вы, наверно, придёте в школу, ребята, в этот вечер, и директор Леонид Александрович Дубинин скажет:

— Ну вот мы снова встретились!

А высокая ёлка заглянет в окно. Ого, как выросли эти ребята!..

Путешествие в 1917 год

С о дня февральской революции прошло уже полгода, а разбойничья война всё ещё продолжалась. Временное правительство, которое на словах было за мир, на деле затягивало войну и даже пыталось организовать новое наступление, на котором настаивали английские и французские капиталисты.

Земля оставалась у помещиков, а когда крестьяне, потеряв терпение, начинали сами делить помещичью землю, Временное правительство посылало карательные отряды, которые расправлялись с крестьянами не хуже царских урядников.

Фабрики и заводы попрежнему принадлежали капиталистам. Положение рабочих нисколько не улучшилось. В ответ на их требования хозяева закрывали свои предприятия и выбрасывали беспокойных рабочих за ворота.

Всё больше рабочих, солдат и крестьян начинало понимать, что большевики правы. Временное правительство не выполнило ни одного из своих обещаний и только старалось укрепить власть капиталистов и помещиков.

3 июля в Петрограде рабочие, солдаты и матросы снова вышли на улицу, чтобы этой мирной демонстрацией выразить свой протест против политики Временного правительства. На знамёнах, которые несли безоружные рабочие, было написано: «Вся власть Советам!»

Временное правительство поступило так же, как поступал когда-то царь. Оно расстреляло мирную демонстрацию.

Ребята из ленинградского Дворца пионеров, изучающие историю Октября, побывали в том месте, где произошло это страшное событие. Вот что они пишут:

«Мы, ленинградские школьники, торопясь в свой Дворец пионеров, часто проходим мимо Публичной библиотеки, огромное здание которой находится на углу Невского проспекта и Садовой улицы.

Но не все из нас знали, что на этом месте тридцать лет назад пролилась кровь рабочих, вышедших на мирную демонстрацию. И когда мы услышали рассказ об этом и увидели фотографию, на которой изображён расстрел июльской демонстрации, мы с особенным волнением пришли на это историческое место.

Вот здесь проходили со своими знамёнами наши отцы. Они не думали, что на чердаках и в подворотнях Временное правительство спрятало отряды юнкеров и бывших царских офицеров, ненавидящих народ. И вдруг неожиданно раздался выстрел. Упал на мостовую молодой рабочий, несший своё заводское знамя, упала женщина с ребёнком на руках.

Так ответило Временное правительство народу. И каждый участник демонстрации убедился, что нельзя верить правительству капиталистов и помещиков».

Расстрел польской демонстрации.

О картины худ. П. Соколова-Смэли.

Временное правительство перешло в открытую борьбу с революционным народом. Но капиталисты понимали, что они уже не могут ни обмануть, ни подавить народ, пока существует партия большевиков.

Поэтому сразу же после расстрела демонстрации Временное правительство закрыло «Правду» и разгромило редакцию газеты. Отряд юнкеров занял дворец Кшесинской и арестовал ряд крупнейших работников партии.

7 июля Временное правительство издало приказ об аресте товарища Ленина и суде над ним. Жизни нашего вождя угрожала страшная опасность. Капиталисты хотели убить его до суда, якобы при попытке к бегству. Командовавший тогда войсками Петроградского округа генерал Половцев признался впоследствии, что сам намекал юнкерам, посылая их арестовать Ленина: «Арестованные очень часто делают попытки к побегу».

Но товарищ Сталин разгадал намерение Временного правительства. Несмотря на все уговоры пробравшихся в партию врагов, что Ленин должен сам явиться на суд, Центральный Комитет партии большевиков по настоянию товарища Сталина решил, что Владимир Ильич должен скрыться. Товарищ Сталин нашёл место, где вождь большевиков мог жить в безопасности, и сам проводил его в путь. Ленин скрылся на станции Разлив. Ребята из ленинградского Дворца пионеров бывали и там. Вот их письмо:

«Мы были там, где скрывался от врагов Владимир Ильич, и хотим рассказать ребятам о том, что мы видели.

На восточном берегу Сестрорецкого разлива, недалеко от бывшей финской гра-

ницы, есть небольшая полянка. Она покрыта цветами и со всех сторон окружена густыми кустами. В центре полянки гранитный памятник. Его построили в честь товарища Ленина ленинградские рабочие.

А рядом с памятником Ильичу стоит маленький шалаш.

Тридцать лет назад, летом 1917 года, сюда пробрался пешком со станции Разлив Владимир Ильич. В шалаше, построенном рыбаками и косцами, он укрывался от сыщиков Временного правительства.

Когда смотришь на этот шалаш, невольно поражаешься: в каком убогом и простом жилище провёл несколько недель великий человек! Ведь этот шалаш не мог укрыть Ленина даже от непогоды. А Ильич писал здесь свою знаменитую книгу — «Государство и революция».

С этой полянки товарищ Ленин слал питерским рабочим свои пламенные призывы готовиться к вооружённому восстанию. В этом шалаше он встречался со своими боевыми товарищами: Сталиным, Свердловым, Молотовым, Орджоникидзе. Этот скромный шалаш на берегу Разлива стал центром, откуда Ленин через това-

Ленинградские пионеры и школьники в Разливе.

Фото А. Чепрузова.

рища Сталина руководил подготовкой к октябрьскому перевороту.

С огромным волнением мы стояли перед шалашом, представляя себе живого Ильича. Вот по этим тропинкам он ходил, погружённый в думы, здесь, у пенёка, сидел с книгой, здесь, на лужайке, сам косил траву, помогая крестьянам. Всё здесь дышит Лениным и хранит память о нём».

Партия большевиков была вынуждена снова скрываться в подполье. Но она не прекратила своей деятельности. Наоборот, большевики с новой энергией и силой продолжали говорить народу правду о задачах революции, укрепляли партийные организации, готовились к близким боям за власть. Итог царя было свергнуто, теперь надо было навсегда сбросить иго капиталистов и помещиков.

26 июля 1917 года в Петрограде открылся VI съезд партии большевиков. Этот съезд снова происходил тайно — сначала в одном из зданий на Выборгской стороне, а потом в помещении школы у Нарвских ворот, где сейчас построен Дом культуры имени Горького. Сыщики Временного правительства сбились с ног, чтобы пробраться на заседание съезда, но так и не сумели его найти.

Ленин не мог быть на съезде. Преследуемый ищейками Временного правительства, он вынужден был скрываться. Но он руководил работой съезда через своих соратников и учеников — Сталина, Свердлова, Молотова и Орджоникидзе.

«Дорогие ребята! В Музее революции я видела картину художника Любимова, на которой изображён VI съезд партии большевиков. В небольшой комнате тесно сидят представители большевистских орга-

низаций — рабочие, солдаты, матросы. В клубах табачного дыма видны знакомые лица людей, которых сейчас знает каждый пионер, — вот молодой Ворошилов, Молотов в студенческой косоворотке, Орджони-

кидзе, Свердлов. А у стола такая знакомая и родная фигура товарища Сталина, обращающегося к делегатам.

На этом съезде не было Владимира Ильича. Товарищу Сталину партия поручила важнейшие доклады — отчёт Центрального Комитета и доклад о политическом положении.

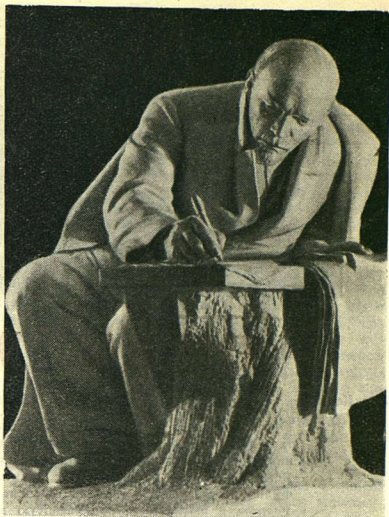
«Мирный период революции кончился, — сказал товарищ Сталин, — наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...»

Верный указаниям Ленина, товарищ Сталин поставил перед партией новую задачу — готовить рабочих и солдат к вооружённому восстанию против власти капиталистов.

Мне как будущей комсомолке особенно интересно было услышать от руководителя экскурсий, что на VI съезде партии большевиков впервые обсуждался вопрос о юношеском движении. Съезд обязал все партийные организации поддерживать социалистические союзы рабочей молодёжи, из которых впоследствии возникли первые ячейки комсомола».

Юля Беликова

(6-й класс, 208-я школа).

Ленин в Разливе.

Скульптура Пинчука.

С первых же дней революции партия большевиков предвидела, что буржуазия никогда добровольно не откажется от власти и что трудящимся придётся бороться за социализм с оружием в руках. Перед партией стояла задача — вооружить как можно больше рабочих и научить их владеть оружием.

На фабриках и заводах большевики сколачивали отряды революционных рабочих. Всюду находились бывалые участники баррикадных боёв или вернувшиеся из окопов фронтовики, и они обучали товарищей военному делу. Партия обязала всех членов заводских партийных ячеек вступать в эти отряды.

Отряды вооружённых рабочих-добровольцев назывались Красной гвардией. После Октябрьской революции отряды красногвардейцев влились в части молодой Красной Армии.

«Мы, группа московских пионеров, ходили с экскурсией в Музей революции и осматривали там зал, посвящённый образованию Красной гвардии. Мы видели там в одной из витрин значок, который носили первые красногвардейцы. На этом значке изображён рабочий с красным знаменем в руках, а внизу — переkreщенные винтовка и сабля.

В музее есть фотографии, на которых показано обучение красногвардейцев. Рабочие на них одеты все по-разному и вооружены кто чем. У одних — винтовки,

у других — охотничьи ружья, револьверы, сабли, шашки...

У этих первых красногвардейцев не было такого отличного оружия и обмундирования, как у нынешних воинов Советской Армии, но всё же это тоже были непобедимые бойцы. Они были беззаветно преданы революции и партии большевиков и отважно боролись с врагами».

Валя Фалькович
(6-й класс, 69-я школа).

Нюра Элентух
(5-й класс, 69-я школа).

СВЕТ МОСКВЫ

Лев Кассиль

Глазы из повести

Рис. В. Цельмера

За полгода до начала Великой Отечественной войны в «Пионере» была напечатана моя повесть «Великое противостояние». В ней рассказывалось о московской школьнице Симе Крупичиной, которая снималась в роли юной партизанки войны 1812 года Усти Бирюковой в кинокартине знаменитого советского режиссёра А. Д. Распенея. Фильм рассказывал о гневе и героизме нашего народа, грудью вставшего на защиту Родины и выгнавшего вой разбитую им армию Наполеона. Сима очень привязалась к Распенею, который сделался её любимым старшим другом. Распенею сумел привить своей воспитаннице верное понимание цели жизни, правильное отношение к отдельным удачам и трудностям. Он любил приводить пример из астрономии: раз в 15—16 лет планета Марс подходит к точке наибольшего сближения с нашей Землёй. Именно в эти периоды учёные стремятся уточнить свои сведения о Марсе и сделать новые шаги к распознаванию этой планеты. Распенею говорил, что, конечно, не с такой регулярностью, но бывают и в судьбе отдельных людей и в жизни народов такие «великие противостояния» — решающие моменты, когда напрягаются до предела все душевные силы, зреет знание жизни и в ней открываются большие истины.

Сам Распенею умер, отдав свою пламенное сердце и всю свою жизнь любимому искусству и нашей Родине. Встреча и работа с ним были «великим противостоянием» для Симы. Она тяжело переживала смерть старшего друга. Встреча с туркменским мальчиком Аземом, с которым у неё сразу началась дружба, заставила Симу снова поверить, что вся жизнь у неё ещё впереди. Встречей этой в день великого противостояния Марса, 23 июля 1939 года, закончилась моя повесть.

Я не собирался писать продолжение своей книги. Но когда началась война, я стал получать множество писем: писали школьники, писали взрослые. Много писем приходило с фронтов. И читатели требовали, чтобы я рассказал, что было дальше с моей Симой, как встретила она «великое противостояние» в жизни нашего народа.

С 1943 года я стал писать продолжение своей повести. Теперь работа над второй частью — «Свет Москвы» — закончена. Я надеюсь, что Сима встретит среди вас своих старых друзей и приобретёт новых.

АВТОР

КАНУН ЛЕТНЕГО СОЛНЦЕСТОЯНИЯ

Не знаю, как там у них на Марсе, но на Земле у нас жизнь была в этот вечер чудно как хороша! Трубили горны, били барабаны в подмосковных лесах. Из походов возвращались в лагери пионеры. И с голоса их училось новым песням перемичное эхо.

По загородному шоссе на зелёной дамбе канала катили из Москвы резвые грузовички. Гремели на них детские динковые ванны. Вразнобой подпрыгивали перекувырнутые стулья. Трёхколёсные велосипеды барахтались, безнадёжно запутавшись в гамаках. Стоямя ехали полосатые матрацы — всё ёзало и громыхало, проносилось через

переезды под покровительством полосатых же шлагбаумов...

Люди ехали на дачу. Был субботний вечер.

Завтра по календарю начиналось лето. Отправилась и я в поход со своими пионерами.

Мы плыли на лодке по светлой покойной воде. Прошли вдалеке, возвращаясь в Москву из дневного рейса с Волги, белые теплоходы. На берегу, за лесом, играли в лагерях вечернюю зорю. Солнце село за дальние луга незамутнённым, обещая на завтра хороший день. И радостно было знать, что утром, чуть снова взойдёт оно, нам наконец откроются некоторые весёлые

тайны—те, что мы загадали для себя именно на этот день почти год назад. Но у меня самой были к тому же особые основания считать сегодня жизнь прекрасной и ожидать, что завтра она будет ещё лучше...

Утром я получила телеграмму от Амеда. Он дал её уже с дороги. Ясно и уже не раз представляла я себе, как он легко соскочил с подножки вагона, когда поезд ещё не остановился, пробежал, всех обогнав, по перрону, ловкий, смуглолицый, привставая на носки, вскидывая из-под длинных косых бровей блестящие глаза, ища вывеску «Телеграф». А потом, закусив тонкую губу, старательно выводил автоматической ручкой, которой так гордился: «Встречай воскресенье проведём вместе день противостояния самый большой день в году». «Эге, джигиты, видно, стали разбираться в звёздах»,—подумала я. Мои астрономические увлечения захватили и Амеда, хотя пока ещё он явно путал противостояния планет и солнцестояние, которое наступало завтра.

Почти два года прошло с того дня, как мы встретились с ним на пароходе «Чичерин» в Каспийском море. Это было как раз в день великого противостояния Марса. И долго мы с Амедом смотрели в тот вечер с борта корабля на круглую, яркокрасную, словно смородинка, звезду, низко плывшую над горячим малахитовым горизонтом Каспия. Я рассказывала ему тогда о Расщепе, дружбе с ним, о звёздах, и когда наступила ночь, долго водила моего нового знакомого по звёздным дорожкам вселенной. Зато потом, в Туркмении, Амед стал моим верным проводником в прогулках по незнакомой и очень интересной земле. Мы крепко подружились в то лето. И брат мой Георгий брал нас с собой в дальние поездки по пескам, где он разведывал будущие пути воды. Жарко было там и пронзительно сухо. Всё вокруг жаждало воды, всё молило о влаге: и сухая, потрескавшаяся земля, и пески, горячие, как зола, и испепелённые листья—всё шептало: «Су!.. Су!..» А «су» по-туркменски—это вода. И брат Георгий рассказывал о том, как через чёрные пески Кара-Кумов побежит свежая вода, когда построят канал, которым соединят Мурхаб с Аму-Дарьей и Теджен с Мурхабом. Мы ездили верхом. Амед научил меня правильно держаться на лошади.

Старик уважал моего брата Георгия и говорил, что сам Сталин велел ему проехать воду в пустыню.

Отца Амеда уже давно не было в живых. Его много лет назад убили богатые бакулаки, пытавшиеся восстать против советской власти.

Мать Амеда, Огульсолтан, высокая, тонкобровая, как сын, хорошо знала Георгия, работала в совхозе и была членом горсовета.

Мы очень хорошо дружили с Амедом. А когда кончилось лето и надо было вернуться в Москву, в школу, мне было жалко расставаться с Амедом, хотя меня и очень тянуло уже домой. Но мы обещали писать друг другу и сохранить дружбу навсегда, навсегда.

Без малого два года прошло с тех пор. И мы не виделись. Я не смогла поехать на

другое лето в Туркмению, потому что меня приняли в комсомол, я стала вожатой юных пионеров и жила в лагере под Москвой. Амед тоже не приезжал. Но мы с ним аккуратно переписывались. Сперва мы обменивались письмами редко, посылали их через определённые сроки и строго следили за очередью, а потом стали писать всё чаще и чаще, не считаясь друг с другом, писали, когда хочется, писали обо всём—о каждой новой прочитанной книжке, об интересной картинке. Я начинала огорчаться, если письмо от Амеда задерживалось почему-нибудь на несколько дней и не приходило тогда, когда я его ждала.

Писал он подробно, очень вежливо. И было что-то не совсем привычное в чуткой неуклюжей изысканности его писем. Это тоже мне нравилось. Ромка Каштан не смог бы так писать... И подруги мои знали, что у меня есть где-то далеко друг-джигит, который шлёт мне письма. Очень хотелось иногда показать моим любопытным подругам какое-нибудь письмо Амеда. Но мне казалось, что этим бы я нарушила обет взаимного доверия. Я уже знала всех друзей Амеда, была в курсе всех его дел и даже волновалась, когда заболел любимый жеребёнок Амеда, ахалтекинец Дюльдяль; о нём Амед писал в каждом письме с такой восторженной нежностью, что меня почему-то порой это уже начинало чуткоко зализать... Тогда я ему нарочно описывала, как мы ходили в кино вдвоём с Ромой Каштаном и как смешно Рома сказал про одного киноартиста, что он чересчур много хлопочет физиономией, а про нашего историка в школе,—что он даже бутерброды ест исторические: бородинский хлеб с подтаявшим колбасой... Но на Амеда это не действовало, и в следующем письме он писал: «Пожалуйста, передай привет моего сердца твоим добрым друзьям и мудрому красноречивому товарищу Р. Каштану. Мой Дюльдяль стал такой крепкий, что сегодня совсем оборвал привязь. Он стал очень красивый... Я считаю, что лучше такого коня у нас в Туркмении нет».

И вот завтра Амед придёт. Какой он стал? Может быть, совсем не такой, как я напридумала себе? Ему уже теперь семнадцать с лишним лет, он на полтора года старше меня. Интересно, как мы с ним встретимся завтра? В последнем письме он намекал, что давно хочет спросить меня о чём-то очень важном, но откладывает это до встречи. Только бы успеть вернуться в Москву вовремя. Но я всё рассчитала. В справочной я узнала, что поезд, на котором ехал Амед, придёт в Москву завтра днём, в четыре часа десять минут. Значит, мы вполне успеем вернуться домой. И не отменять же было похода, когда мои пионеры ждали этого дня с таким нетерпением!

Вот они плывут со мной, мои забияки-зодиаки, как дразнили их в нашем отряде. Впереди, на самом носу лодки, устроился, конечно, Игорь Малинин. Он первым забрался туда и теперь лежит на спине, нога на ногу, закинув голову над водой и морща короткий нос, не двигая пушистыми ресницами, глядит серыми глазами своими

в небо, залитое сиреневыми красками вечерней зари.

Я знаю, хотя Игорёк, как зовут его у нас, плывёт с нами на старой рыбацкой шлюпке, взятый на день в соседней деревне, сам он сейчас далеко от нас. Что бы он ни делал, каждое занятие имеет для него ещё второй смысл, какое-то значение, не всегда нам понятное, но делающее для него всё по-своему интересным.

Однажды я шла за ним по улице, а он не видел меня: чего только он не успел вообразить себе, пока прошёл два квартала! То он дwigался, расправляя руки, как крылья, тихонько жужжа под нос, и, очевидно, воображал себя самолётом; то размахивал руками, забребая поочерёдно левой и правой, видя себя с веслом байдарки. Заметив лужу далеко в стороне от его пути, свернул к ней, разбежался, перепрыгнул. Потом вдруг нарочно захромал и, найдя палку, зажав её под коленом скорченной ноги, прихвотив конец ступней, ковылял, как на деревяшке... Затем отбросил палку, балансируя руками, шёл по краю тротуара, по узенькой каменной кромке, как канатоходец. Когда надо было пересекать улицу, мощёную брусчаткой, он перешёл её ходом шахматного коня: два камня—прямо, один—наискосок...

Нелегко мне дался в нашем пионерском отряде этот Игорёк. Сперва с ним сладу не было... Порывистый, живой, готовый каждую секунду вспыхнуть, взорваться, он долго не хотел признавать моего авторитета. В лагере, где я в прошлом году в первый раз стала работать вожатой, у меня было немало хлопот с ним. Но мне он пришёлся по душе своим жадным, неуёмным интересом ко всему на свете. Он жаждал деятельности и приключений. Всё он хотел знать, всё его касалось. Фантазия у него была необузданная и упрямая. Что-нибудь вообразив себе, он уже сам верил в придуманное. И, может быть, именно то, что я с верой относилась к его мечтам, привлекало ко мне Игоря. Мальчуган почувствовал во мне родственную душу мечтательницы.

С другими было легче. Девочки сразу привязались ко мне, узнав, что я снимаюсь в кино, а мальчики были потрясены моими астрономическими познаниями. А маленький телескоп, который завещал мне покойный Распедей, окончательно решил дело в мою пользу. Ребята из лагеря жили с нами по соседству в новых домах Гидротреста. И учились почти все они в нашей школе. Поэтому с осени прошлого года по предложению наших комсомольцев я стала вожатой отряда в четвёртом «А» классе. Отряд у меня был дружный, деятельный, но основным ядром его была моя лагерная шестёрка. Все они занимались в астрономическом кружке районного Дома пионеров. За это их и прозвали шутя «зодиаками». А уж мы сами наделили членов нашего кружка шутливыми прозвищами. Игоря Малинина прозвали за его порывистость, упрямство и бодливый характер, сочетавшийся с нежной привязчивостью, Козерогом. Курчавого лобатого Изю Круж, братишку моей подруги Сони Круж,

окрестили Тельцом. Медлительного много-слового Дёму Стрижакова прозвали Водолеем, а ехидный, всегда во всём сомневающийся Витя Минаев снискал прозвище Скорпиона. Были ещё у нас Весы—две неразлучных подружки: Галя Урманцева и Люда Сокольская. Они ходили всегда вместе подручку или обнявшись, заплетали в свои косички ленты одинакового цвета, но очень рывовали меня друг к другу и на прогулках повисали на мне с двух сторон, старательно обеими руками держа меня подружку и локтями отбивая всех других, покушавшихся на почётное место вожатой.

Они и тут сидели возле меня—слева и справа—на задней банке нашей лодки, тесно прижавшись к моим плечам, и мешали мне править. Грёб Дёма Стрижаков.

Лодка наша тихо скользила по гладкой вечерней воде. Тёплые сумерки спустились на водохранилище. Было так хорошо и привольно, такая задумчивая тишина обьяла весь этот душистый, зелёный простор берегов и замершую воду, что не хотелось говорить, и все мы молчали, только чуть слышно поскрипывали уключины вёсел да балакали своё «тир-лир-лю-лю» струйки под ле бортов шлюпки.

НАШИ ГОРОСКОПЫ

Мы плыли на наш заповедный островок. Ещё год назад мы сговорились, что придём сюда встретить день летнего солнцестояния—начало лета.

Экзамены уже прошли. Часть ребят разъехалась, а мы должны были попасть в лагерь во вторую смену, и я продолжала встречаться со своими пионерами. Мы давно уже готовились к сегодняшнему походу. Родители сперва не очень соглашались пустить своих ребят в эту экскурсию без взрослых, только со мной одной. Но в конце концов я, как никак, была всё-таки вожатой и перешла сейчас уже в девятый класс. В школе авторитет у меня был большой. И родители отпустили ребят. Правда, пришлось скрыть от них, что мы отправимся на островок. Сказано было, что мы поедем поездом до Борок, а там пройдем через Корваново пешком до водохранилища и на берегу его разобьем палатку, где и заночуем. А утром встретим восход солнца, отпразднуем летнее солнцестояние и в обед вернёмся с поездом домой. В Доме пионеров нам дали для этого разборную палатку и всё необходимое хозяйство для похода. Взяли мы, конечно, и мой маленький телескоп.

Всё остальное оставалось втайне. Никто, кроме нас, не знал, что скрывалось на маленьком, никому не известном островке, далеко в стороне от фарватера, по которому через водохранилище шли пароходы канала Москва—Волга... Но мы помнили, что там, на островке, хранятся надёжно упрятанные в маленькой шахте-погребке наши гороскопы.

С тех пор как Москва стала городом большой воды и волжские пароходы слили свои голоса с шумом стоицы, возле самого города разлились просторные озёра с ведущей к ним зеркальной афилайдой белокаменных шлюзов. Образовались заманчивые уголки,

— Сима, вот ты про Марс много знаешь. Как же всё-таки считается, есть там жизнь?

чудесные таинственные заводы, протоки, бухты, полузатопленные островки. Мало кто знал как следует прелесть многоводного Подмоскowsья. Но Расщепей давно уже облюбывал эти места. И когда мы вместе с ним совершали наше памятное путешествие, Александр Дмитриевич привёл меня на своей яхте «Фламарион» к одному из таких островков на водохранилище. Этот островок мы и выбрали с моими пионерами для наших летних походов.

Было уже довольно темно, когда наша лодка, раздвигая кустарник, скрипя днищем о затопленные ветви, выехала носом на берег острова.

Наверное, когда-то, до наполнения водохранилища, место это было вершиной пологого холма. Через него вела проезжая дорога. Её колеи ещё виднелись в траве, и странно было видеть, что дорога уходит прямо в воду, в глубину, словно маня спуститься по ней в какое-то донное царство. Прежде здесь стояли избы, на земле сохранились следы жилья. И вот в одном из заросших бурьяном дворов мы в прошлом году нашли полуобрушившийся выложенный кирпичами погреб. На дне его мы и спрятали наши гороскопы.

Гороскопы эти придумал, конечно, Игорьёк. Как-то в отряде зашёл разговор о различии между древней ложной наукой — халдейской астрологией — и современной, строго научной астрономией. Ребята сперва долго потешались над тем, что древние астрологи, халдеи, звездочёты определяли судьбу человека по звёздам. Звезда, под которой родился человек, определяла его путь в жизни. И астрологи наперёд составляли человеку по небесным знакам его будущую биографию — гороскоп. Всем пионерам это показалось очень забавным, особенно когда я вспомнила, как в 1514 году астрологи, установив, что Юпитер, Сатурн и Марс окажутся в созвездии Рыб, посулили миру неслыханное наводнение. И президент Ориаль в Ту-

лузе, испуганный этим предсказанием, построил опромный ковчег на случай потопа...

А потом вдруг Игорьёк Малинин предложил: — Ребята, знаете что? У меня мысль. Нет, серьёзно, давайте сами себе составим на год гороскоп! Да нет, постойте! Не в том дело, что по звёздам. А просто напишем такие загадки — сами себе, — что мы должны сделать за год. Но только никто никому своей не покажет. Напишем и заклеим. И где-нибудь спрячем. Вот у нас и будут свои гороскопы. А через год достанем, раскроем и посмотрим тогда, у кого что сбылось.

— Не сбылось, — наставительно сказал Витя Минаев. — При чём тут «сбылось»? Важно, чтобы каждый сам выполнил, что себе обещал.

Поднялись шум, крик, споры. Одни говорили, что это глупости, пустяковая затея и даже суеверие... Другие, наоборот, кричали, что сделать так непременно надо, это будет всем полезно. И я подумала тогда, что Расщепей, вероятно, одобрил бы такую затею (я всегда в трудных случаях мысленно проверяла себя, как бы поступила при подобных обстоятельствах Расщепей). Да, он одобрил бы...

Пусть же каждый из наших пионеров задумается хорошенько над тем, чего ему не хватает, что он хотел бы успеть за год сделать, что приобрести, от чего избавиться. И пускай он запишет это для себя, никому не показывая. Так будет интересно! И мы спрячем эти гороскопы, загадки, как хорошо назвал их Игорьёк. Никакая это не звёздная магия. Мы и так все знаем, что родились под счастливой звездой. И у нас стоит только задумать что-то хорошее, по настоящему захотеть сделать это, настойчиво добиваться — и всё тогда сбывается.

И вот, когда мы вернулись прошлой осенью из лагеря, мы сделали так, как задумали. В воскресенье мы отправились на остров, взяв лодку в деревню у одного бакаенщика. У каждого из моих пионеров был

закаленный конвертик. В нём был припрятан его личный, самим им для себя составленный гороскоп на год. Потом мы сложили все конверты вместе, и Игорёк торжественно произнёс за всех:

— Обещаю, что я и все мы, пионеры нашего отряда, выполним всё, что здесь задумано. За это мы отвечаем перед своей совестью и нашими товарищами. А если кто не выполнит, то пусть тот через год уничтожит свой план.

Да, пусть каждый отвечает перед своей собственной совестью, и в этом его проверяет потом товарищ.

И я подумала, что неплохо будет, если мои пионеры сами предскажут себе, что должно произойти с ними за год, сами ответят перед своей совестью. И пусть их никто не понуждает. Это—дело каждого. Но интересно будет через год сличить, что было задумано, с тем, что выполнено. А кто не справился с собой, пусть теперь уже при всех признается, что спланировал, оказался недостойным нашей звезды.

И вот целый год пролежали замурованными в заброшенном погребе на маленьком островке, среди просторного водохранилища наши гороскопы-загадки. Мы решили, что вскроем их в самый большой день года, день летнего солнцестояния. Ребята у меня были опытные по части походов, мы быстро разбили палатку, установили подпорки, укрепили стойки, натянули верёвки, привязав их к колышкам, вбитым в землю. Вскоре запылала костёр, закипел подвешенный над ним чайник. Мы сварили в котелке картошку, открыли консервы, сели в кружок у входа в палатку.

А на водохранилище и вдали на канале уже зажглись ночные огни. Горели огни на створах ходового фарватера, на шлюзах. Но всё это было далеко от нас. А мы здесь были одни, окружённые огромной доброй и смиренной водой. Вечер был тёплый. На западе небо розовело, словно ещё не остынув, а на другой стороне горизонта, ближе к югу, подрагивало нежное, серебристое зарево—там была Москва. И свет её, перламутровый, вздрагивающий, трепетал в высоком спокойном небе. Звёзды растворялись в далёком сиянии Москвы. Только над горизонтом жгла свой зелёный бенгальский огонь Венера, похожая на большого светляка, да ровным алым накалом горела низко стоявший Марс. И на канале светились тоже зелёные и красные огоньки бакенов, подрыгивая в воде мерцающими усиками отражений.

Мы разгорили внутри палатку на две части. В одной половине устроились девочки со мной, в другой—мальчики. Они поочередно несли дежурство у входа в палатку, сторожа наш маленький лагерь.

Скоро все затихли.

Ночью я проснулась. Душистая сырость проникла в палатку. Где-то кричал коростель. На канале густо загудел пароход. А кругом была такая дивная тишина... Я встала и выглянула за отсыревший полог. У входа в палатку никого не было.

— Кто дежурит? — спросила я шопотом. Никто мне не ответил. Я повторила вопрос громче. Опять молчание. Я вышла из па-

— Ну как, Сима, пашли? — кричали сверху.

Латки. Дежурного не было. Тогда я заглянула в половину мальчиков. Накрывшись пальто и одеялами, спали рядом Дёма Сприжаков, Изя Круж и Витя Минаев. Игорька не было. Очевидно, был час его дежурства.

— Мааинин! Игорёк!—позвала я, выйдя из палатки.

Кусты зашуршали, показался Игорь.

— Ты почему не на месте?—строго спросила я.

— Я только на минутку, Симочка,— проговорил он быстро, словно запыхавшись.— Я к берегу бегал. Тут ещё ландышей сколько!.. Мне показалось там кто-то шебуршится...

— Сам ты любишь шебуршиться, Игорь,— заметила я.— Небось, к погребу бегал... Ладно. Ладно. Иди спать, я за тебя подежурю.

— Ну уж это нет, брось, оставь,— запротестовал он.— Мне ещё целый час дежурить. Ты ложись. Не беспокойся. Меня Витка сменит. Уж я его добужусь. Можешь быть уверена.

Я уже была в палатке, когда опять услышала шопот Игоря:

— Сима! Тебе очень спать хочется?

— А что?— я высунулась из-за входного полога.

— Давай с тобой поговорим о серьёзных вещах.

— Например?

— Ну мало ли про что?.. Вообще, так. Про разную жизнь... Как прошлым летом в лагере говорили. Помнишь?

Я помнила эти неизбежные ночные беседы «о серьёзных вещах», как выражался Игорь. Хотя разговоры после отбоя и были явным нарушением лагерного режима, но зато именно они помогли мне укротить самого

беспокойного из моих пионеров и заглянуть в его пытлиую и своенравную душу. И я покорно присела на пенёк у палатки.

— Ну что ж, поговорим, Игорёк, о серьёзных вещах!

— Знаешь, Сима, — сразу начал Игорь, — я когда ночью долго гляжу на звёзды, мне всегда охота бывает забраться туда, куда-нибудь в самую-самую дальнюю выпшину и всё там разглядеть и узнать до точности. Так и тает... — он вздохнул и, запрокинув голову далеко назад, долго и завороченно глядел в зенит.

И звёзды над нами ласково жмурились, подмигивали сверху мальчишке, словно подбадривали, маня: «Ну, ну, звездочё!.. Карабкайся».

— Сима, вот ты про Марс много знаешь. Как же всё-таки считается, есть там жизнь?

— Возможно, что есть, Игорёк. Правда, насчёт хлорофилла, что я тот раз говорила, сейчас оплох не подтверждается.

— Жаль, — вздохнула Игорёк, не сводя глаз с неба, — а я лично всё-таки считаю, есть ещё где-нибудь жизнь. Верно, Сима!.. Только я рад, что сам я на Земле родился. Это определённо мне повезло. У нас всё-таки уже хорошо жить. А как там, ещё неизвестно. Прилетишь туда, а там, может быть, ещё какой-нибудь каменный век только. Кто знает? И был бы я пещерный житель...

— Ну, пещерный житель, хватит тебе философствовать. Спать пора.

— Нет, погоди!.. Ты слушай, Сима. У нас почему хорошо? Доисторическое всё уже было? Было. Древние там, всякие века тоже прошли; старый режим уже давно кончился... Правда, не везде ещё на всей Земле, но зато у нас в СССР! Значит, всё-таки на Земле уже люди своего добились, раз такая уже есть страна, как мы! Верно? А там, на Марсе, может, всё ещё только начинается. Жителям сколько ещё веков мучиться!

Я прервала гордого жителя Земли, сказав, что есть теория, считающая, будто жизнь на Марсе возникла намного раньше, чем у нас.

— Эх, ты! — посочувствовал марсианам Игорь. — Вот уж не хотел бы я в школе у них учиться. Сколько им тогда по истории учить! Древние века, потом средние, потом ещё какие-нибудь полусредние, новые, да самые новые, да новейшие, предпоследние, последние — голова лопнет!

— Смоди, чтоб у тебя от ночных фантазий твоих голова не лопнула, — сказала я, вставая с пенёка. — Поговорили — и будет!

— Ну, иди, ладно, досыдай. Эх, скорей бы уже завтра стало. Интересно, что там у кого в загадках написано и у кого что исполнилось... Не терпится мне узнать...

Игорь зевнул, засунул руки в рукава пальтишка и замолк.

А над водоохранилищем, над молчаливой, стеклянной водой медленно поворачивалось звёздное небо. Заря на западе погасла, а на востоке уже проступали блекло-розовые оттенки новой зари. Ночной немеркнущий свет Москвы одним своим краем уже сился с ней.

Я вернулась в палатку, закуталась потеплее в одеяло. Девочки мои сейчас же, даже

не просыпаясь, слева и справа подкатились ко мне, крепко ухватили мои руки, забко поёжились, зарылись головами — одна мне в плечо, другая — в шею, повизгивая шепотом:

— Ой, Симочка, хорошо как... Уютно! Уютно-уютно!..

И правда было хорошо! Так хорошо, что запомнилось потом на всю жизнь.

И никто из нас семерых не подозревал, что загадочные беды начнутся уже наутро, а вместе с завтрашней ночью в нашу жизнь войдёт нечто чудовищно огромное и злое.

ТАЙНИК

День начинался чудесно. Запел, затрубил, заиграл наш пионерский горн, громко, настойчиво и раскатисто. Недаром наш Игорёк слыл отличником горнистом. Он дул в свою трубу что есть силы, щёки прыгали у него, как литые мячики. Он трубил, закинув голову, поднимая прямо вверх свой горн, и, когда переводил на минутку дух, казалось, будто залпом пил из пионерского рюга утреннюю свежесть и пахучий лесной воздух. Птицы восполюлились на верхушках деревьев, уже освещённых солнцем, и стали кружиться над островком. Пионеры мои выскочили из палатки, жмурясь, протирая глаза, разминаясь. Началась возня: «Люда, где мои тапочки?..», «Дёмка, отдай рубашку, не в свою лезешь!..», «Девочки, мыться, мыться!..», «Осторжнее, зубной порошок рассыпался!..», «Ребята, айда, искупаемся!..», «Игорь, хватит тебе трубить!», «Кто мой галстук взял?»

В весёлом переполохе начинался день, самый большой день в году. Было ещё свежо. Под деревьями ещё не рассеялся влажный тумак, но с верхушек уже сползала по листве золотисто-розовая с бронзовым отливом глазури. Небо на востоке пламенело. И иссиня-зелёный горизонт набухал по краю огнём, еле сдерживая его.

— Приготовиться к встрече! — скомандовала я.

Шестёрка моя — все в белых рубашках с аллыми галстуками — выстроилась на лужайке, лицом к восходу. Наш барабанщик Иза поднял палочки. Игорёк стоял, как положено горнисту, оставив руку, уперев раструб горна в бедро. Дёма зашера со свёрнутым флагом у невысокого шеста, заменяющего лагерную мачту.

— Проверить часы, — приказала я. Дёма взглянул на ручные часы, которые ему одолжил на этот случай Витя Минаев.

— Три часа двенадцать минут по московскому времени, — отвечал Дёма голосом промкоговорителя.

Как я вчера сверилась в календаре, солнце сегодня должно было взойти в три часа четырёхнацать минут. Я выждала ещё минуту и скомандовала:

— На подъём флага и солнца — смирно!

За водоохранилищем в этот самый миг горизонт прорвался посредине, как заплата, слепящее золото ожегло глаза — и всё вокруг нас вдруг засверкало, ожило, наполнилось радостным и властным светом.

— Флаг поднять! Солнцу салют!..

И красный пионерский флаг нашего маленького лагеря поднялся вверх вместе с солнцем, Игорь протрубил салют, зарокотал барабан Изи Кружа.

— Пионеры! Поздравляю вас с наступлением дня летнего солнцестояния, с началом лета, Вольно!..

Конечно, ребятам не терпелось скорее спуститься в погреб и вскрыть наш тайник, чтобы прочесть гороскопы. Интересно, кто что загадал и как выполнил задуманное. Но я распорядилась сперва приготовить завтрак. Ели наспех, давились крутыми яйцами. Игорь так торопился, что решил не очищать скорлупу, а выпрыгнул из неё мякотью белка. Ещё не прожевав, с набитым ртом, он вскопчил, бормоча:

— Фшо!.. Бя ботоф!.. Башви скобее...

Это, вероятно, должно было означать: «Всё! Я готов, пошёл скорее!» Он поперхнулся, закашлялся, и Дёма долго колотил его по спине.

Но вот завтрак был кончен, и мы бегом направились в глубь острова к нашему тайнику. Погребок совсем зарос, но мы сразу отыскали его и склонились над полуобвалившимся локом. Дёма и Витя быстро разобрали подгнившие доски, прикрывавшие отверстие погреба. Оттуда дохнуло таинственной затхлостью. Каждый хотел полезть туда первым, Игорь волновался и толкался больше всех. Девчонки прижимались ко мне, замирая от предвкушения. Ведь сейчас все мы узнаем, что было загадано каждым на год, и проверим, что у кого исполнилось...

Надо было спрыгнуть вниз, разобрать несколько кирпичей в каменной кладке, где была замурована старая жестяная ботаническая коробка, служившая хранилищем наших гороскопов. Витя спустился вниз, держа в руке стамеску. Все струдились над ямой, заглядывая вниз.

— Вы мне весь свет загордили! — раздался снизу глухой голос Вити, показавшийся незнакомым.

Я еле уговорила ребят отойти от лока. И они стояли вокруг ямы, немного отступив, вытгивая шею, чтобы заглянуть в погребок. Прошла минута, вторая. Я уже сама начала беспокоиться.

— Витя, ну скоро ты там?

— Скорпион, а роется два часа, — сказала Люда.

— Ну давай, что ли, Витька, — торопили ребята.

И вдруг из-под земли раздался глухой, мрачный голос:

— А тут нет ничего.

Из лока вылетела жестянка.

— Как так ничего нет!?

Коробка была пуста. Наши гороскопы исчезли.

Я спрыгнула вниз, в погреб. Здесь было мокро и холодно, пахло прелью. Где-то капала вода.

— Ну вот, смотри, — сказал Витя, — видишь, тут кто-то лазил. Кирпичи не на месте položены. А вон тут один расколот.

Я осомтрелась. Глаза мои привыкли к темноте. Я увидела битые кирпичи, развороченную кладку мокрой стены. Наши загадашки

исчезли. Кто-то вызнал, где мы их прятали, и опустошил наш тайник. Я взглянула наверх и увидела венок из опечаленных физиономий, заглядывавших ко мне вниз. Что я могла сказать?..

— Ну как, Симя, нашли? — кричали сверху.

— Это уже давно залезли, — проговорила Витя и поковыряла ногтем кирпичную стенку. — Видишь, тут уже сыро везде стало, потому что открыто было и банка заржавела, а она у нас была в клеёнку завернута. Я сам в аптеке покупала. Кто же это?

Я ещё раз оглядела погреб. Холодный склизкий сумрак, Плесень, гниль и тлен. Битые кирпичи, гнутый ржавый железный прут, да слабо поблескивающее в углу лезвие от безопасной бритвы, наполовину втоптанное в землю. Вот и всё. Дотошный Витя подобрал с пола прут, потом подумал, наклонился, поднял лезвие, вытер его о трусы, положил в карман гимнастёрки. Он был человек хозяйственный.

Я поднялась на руках. Витя помог мне, и я выкарабкалась на свет. Но и смотреть ни на кого не хотелось после того, что произошло.

Опечаленные ребята стояли вокруг меня. Поход наш был вконец испорчен. Но кто же мог узнать про наш тайник?

Больше всех был ошарашен Игорёк. Он никак не хотел примириться с тем, что гороскопы украдены, сам полез в погреб, чтобы убедиться в их пропаже, вышел весь в грязь, совсем расстроенный. Лицо его выражало мучительное сосредоточие.

— Я знаю, кто! — вдруг закричал он. — Это Васька Жмырёв. Это его работа. Он тут у тётки, молочницы, недалеко от станции живёт. Он и подглядел.

Действительно, не сделал ли всё это Жмырёв, этот бич нашей улицы, коновод всех наших дворовых хулиганов. Он жил тут, недалеко от Кореванова, возле станции, у своей тётки, молочницы, но частенько появлялся у нас во дворе и ночевал в соседнем доме, у какого-то своего приятеля, кустаря-кочетника. В такие дни его всегда можно было встретить на углу у кино, где он околачивался целыми часами среди таких же, как он, подозрительных парней. Василий Жмырёв, вольный подмосковный огородник, как он величал себя, мог пройти сам и провести кого угодно в любой парк, кино или на стадион, и многие наши мальчишки видели в нём героя. Их привлекали ходячие словечки, которые любил употреблять в разговоре Жмырёв, его наглая изворотливость, уверенные манеры и дешёвый уличный шик. Он нравился и многим девочкам с нашего двора, утопал их эскимо и водил бесплатно в кино. Не раз он звал и меня пойти с ним потанцевать в парк культуры или поехать на стадион, где играли знаменитые футболисты, все, как на подбор, если верить Жмырёву, его друзья-приятели. Но мне была противна вся его повадка. Я всегда отказывалась.

Где-то пронохав о наших астрономических занятиях, Жмырёв теперь при каждой встрече дразнил моих пионеров:

— Эй вы, халдеи, лунатики! Много звёзд с неба нахватали? Айда со мной, бесплатно проведу в планетарий.

— Определённо, это — васькиных рук дело, — повторил со внезапной уверенностью Игорёк, — я теперь вспомнил...

— Чего ты вспомнил? — неожиданно и ядовито спросил Витя Минаев, в упор поглядев на Игоря.

Игорь молчал. Но я видела, что он действительно вспомнил что-то, внезапно его смутившее, и не хочет теперь говорить.

— Малинин, — спросила я его, — может быть, ты действительно что-нибудь знаешь?

— Ничего я не знаю, — отвечал он, — а вот чувствую, что это он, И всё.

Ребята стояли около погребов расброшенные, недоумевающие. Нечего было и думать о том, чтобы предложить им составить новые гороскопы на следующий год. Противно было, что кто-то чужой нагло вызнал наши тайны, прочёл и, наверное, посмеялся над тем, что мы загадали себе. Теперь уже никогда ребята не захотят составлять себе планы на год. Неприятно будет даже вспоминать о сегодняшнем дне и о нашей славной затее. И начало уже казаться, что кто-то подсматривает за нами из кустов, насмешливый и неуловимый. Да и весь наш поход был теперь уже ни к чему. Надо было возвращаться домой. И возвращение предстояло бесславное.

— Ну, давайте собираться, делать тут нам больше нечего, — сказала я, — Складывайте вещи, несите в лодку, а потом разберём палатку.

Девочки принялись скатывать одеяла, стали увязывать котомки.

Горячее солнце уже высоко поднялось над нашим островком, день был яркий, ослепительный, но нам казалось, что и погода уже стала не такой, какой была с утра.

Ребята спешно собирали и укладывали вещи. Только Игорёк сидел в стороне на корточках, охватив руками колени и положив на них подбородок.

— Ну ты что, Игорёк? — спросила я его. — Ну довольно тебе расстраиваться. Жалко, конечно, что пропали, но ведь кто выполнил задуманное, для того ничего не пропало. Верно ведь?

— Нет, Сима, — сказал он и яростно потёр подбородком о колени. — Это до того обидно, что просто...

Он не договорил. Раздирая кусты, с берега примчался Дёма Сприжаков.

— Ре-е-бят!.. — закричал он от волнения заикаясь. — А-а-а лодки нет!..

И он уронил чайник, который носил к воде мыть.

Мы все кинулись к берегу, где в маленькой бухточке была укрыта наша лодка.

Бухточка была пуста. Лодка исчезла. Вчера её привязали цепочкой к дереву. Вот и потёртое место на коре большой ветлы. Вот промоина, оставшаяся от носа нашей шлюпки.

Но лодки не было.

— Поздравляю, — мрачно сказал Витя, — теперь мы тут Робинзоны!

(Продолжение следует.)

На высоком гранитном пьедестале бронзовая фигура пионера. Мальчик крепко сжимает в руке древко знамени. В маленькой энергичной фигуре, в прекрасном и умном лице его выражена твёрдая решимость постоять за советское знамя. На пьедестале бронзовая эмблема: пламя костра и протаявшая надпись: «Пионеру-герою Павлику Морозову».

Павлик — вожак пионеров глухого таёжного села Герасимовки, на Урале. Он смело выступал против кулаков, боролся за колхозы, за хорошую, счастливую жизнь для крестьян. Это было пятнадцать лет назад. Но и через столетия пионер Павлик Морозов, верный сын народа, будет образцом для советских ребят.

«Память о нём не должна исчезнуть», — сказал Максим Горький. Эти слова великого писателя будут отлиты на пьедестале.

Памятник Павлику Морозову будет установлен во дворе Московского городского дома пионеров. Автор проекта, утверждённого правительством, — скульптор И. А. Рабинович.

Ваня-стекальщик

П. Воронько

Рис. В. Цельмера

Ветерок свистит-поёт,
Люд по улице шнёт...
И в свою большую школу
Школьник маленький идёт.

На нём курточка нова,
В синей строчке рукава.
Башмаки со скрипом-рипом,
То и дело — раз и два!

Солнце смотрит на него,
Греет ласково его.
Что ж у школьника ни книжек,
Ни тетрадок — ничего?!

Может, к школьному двору
Скличет школьник детвору
Для игры?
Да нет, — на пряжке
Золотятся буквы «РУ».

Буквы стали тесно в ряд,
Жарким золотом горят.
То ремесленник Ванюша,
Он стекольщик, говорят.

На нём курточка нова,
В синей строчке рукава.
А в мешке на ремешке-то
Две стамески — раз и два.

В школе встретит мастер Гай,
Скажет: — Ну-ка, помогай!
Поскорее раздвайся,
На линейку налегай!

подавай стекло мне, друг.
Подровняй его вокруг.
Только тише, не порежся —
Без тебя я, как без рук!

Осторожнее, школяр,
Нам ещё стеклить семь пар!
С подоконника не прыгай
На мощный тротуар.

В школу дети прибегут,
Скажут: — Сколько солнца тут!
Вот стекольщикам спасибо,
Слава им за честный труд!

Скажут: — Слава и привет
Всем, кто любит яркий свет,
Кто впустил в оконце солнце,
Зори, звёзды и рассвет!..

...Через щебень, через сор
Пробежал Ванюша двор.
В классе раёт бумагу с окон,
Что висит с давнишних пор.

Что же мастер не идёт?
Время движется — не ждёт!
Ваня всюду рыщет-ищет,
Только Гая не найдет.

Он бежит в столярный цех,
Он расспрашивает всех.
Он — в слесарный, он — в малярный —
Ни у этих, ни у тех.

И везде один ответ:
— Гая не было и нет!
— Может, дома? — вспомнил хлопец —
И протыл ванюшин след.

Через грохот городской,
Через кладки над рекой
Он спешит, как будто в гости
Иль на званный пир какой.

На нём курточка нова,
В синей строчке рукава.
За мальчишеской спиной
Хлещет ветер — раз и два!

За рекою у села

Кузня горном расцвела,
Вкруг неё колёса, плуги,
Танков мёртвые тела.

Эти танки, тягачи

На лопаты-копачи,
Да на лемеха для плугов
Пригоняют силачи.

И погибельная сталь

В степь уйдёт — в родную даль.
Пашню чёрною взрыхляя,
Станет светлой, как хрусталь.

Пламя алое ревёт,

Молот сталь кусками рвёт.
Ваня скромно понюхался
И спросил: — Где Гай живёт?

— Гай? Который? А, Семён!

Видишь, хата в пять окон?
Да стучись к нему потише,
Говорят, болеет он.

Так сказали коваля

Да и к горнам отошли.
А Ивась летит, как ветер,
Только пыль столбом с земли.

Постучался он в окно,

Приоткрылось оно.
Кто-то шепчет: «Наконец-то!
Ждём тебя давным-давно!»

Говорит: — Спасибо, хлопчик,
Что проведаль старика.

Мучит грипп меня, Ивась!

Это уж не первый раз,—
Поваляюсь дня четыре
И опять давай алмаз.

Осторожнее, школяр,

Нам стеклить ещё семь пар!
С подоконника не прыгай
На мощный тротуар.

Улыбнулся вяло он:

— Сам учил и сам учё!
И добавил: — Ты подальше
От высокых-то окон!

Дочка мастера встаёт,

Провождает до ворот.

Говорит Ивась сурово:

— Время движется — не ждёт.

Глянь, как нам не повезло!

Резать можешь ты стекло?
— Ладно,— Маня отвечает,—
Жди, я выйду за село.

4

Школа, двор, знакомый класс...

Маня пробует алмаз.

На окно Ивасик лезет —

Так высоко в первый раз.

Стал на выступ, на карниз,

Отдышался, глянул вниз,

А под ним бульвар зелёный —
Ветки с ветками сплелись.

Ой, дрожит его рука,

Не удержит молотка.

— Ты держись как можно крепче,—
Слышит он издалека.

Школяра бросает в жар,

Поглядел он на бульвар,

И давай скорее чистить

Раму старую школяр.

Что за страхи на окне?!

То ли было на войне!

(Этак Гай, бывало, скажет.)

Жили день и ночь в огне!

И совсем как мастер Гай

Крикнул: — Ну-ка, помогай!

Поскорее раздвайся,

На линейку налегай!

Подавай стекло мне, друг,

Подровняй его вокруг.

Только тише, не порежься —

Без тебя я, как без рук.

И отпрянул от окна...

В хате белой — тишина:

Дочка Маня у постели

Молчалива и грустна.

Гай лежит белей платка,

Бинт с примочкой у виска.

Дети в школу прибегут,
Скажут: — Сколько солнца тут!
Вот стеклышкам спасибо,
Слава им за честный труд.

Слава, слава и привет
Всем, кто любит яркий свет,
Кто впустил в оконце солнце,
Зори, звёзды и рассвет.

День погас... Ночная мгла
Над бульваром потекла.
Убежал из школы Ваня,
И Марийка с ним ушла.

Гулом полон тротуар,
В стёклах ответы от фар,
Так сверкают, так играют,
Так пылают, как пожар.

Мастера бегут в село —
В небе чистом, как стекло,
Поднялось над новой школой
Флага алое крыло.

5

Стягов ливень огневой
Пролился над головой...

Из Заречья Ваня мчится —
Прибежал едва живой!

А у школы-то народ
Славу празднику поёт...
Смотрит Ваня: по дороге
Мастер Гай идёт-бредёт.

Огляделся Гай вокруг —
Палка выпала из рук:
Ярким блеском от окошек
Ослепило очи вдруг.

Он не знает, что к чему...
А уж дочь бежит к нему,
Подает скорее палку,
Улыбается ему.

Мастер крикнул: — Дивно мне!
Может, это всё во сне?
Жалко нет очков со мною..
Глядь, Ванюша в стороне.

— А-а, привет, Ивасы!
Привет!

Вам не снится, мастер, нет!
В этих рамах, правда, стёкла,
Мы с Марийкой любим свет!

Мастер обнял школяра,
Обнял дочь, кричит: — Ура-а-а!
Тут со всех сторон сбежалась
Тоже с криком детвора...

Песня тает в вышине,
В поднебесной глубине,
Будто ветер, будто ливень,
Будто шелест по весне.

В школу школьники бегут:
— Ой, да сколько солнца тут!
Вот стеклышкам спасибо,
Слава им за честный труд!

Слава, слава и привет
Всем, кто любит яркий свет,
Кто впустил в оконце солнце,
Зори, звёзды и рассвет!

Перевод с украинского Е. Благининой

Через грохот городской,
Через коледи над рекой
Он спешит, швыряя дубинку
Иль не задерживает — вперёд стёх в
налетел у края входов
На кой пуритане занеся
В единственной комнате
За молчаливостью встал
Или не встал — у него...

Буксир „Голубчик“

Рассказ Льва Успенского

Рис. Ф. Лемкула

Летом 1942 года каждый мог видеть их на Каменном острове в Ленинграде; иногда — всех трёх вместе, иной раз — порознь.

Самым старшим из них, безусловно, был комендор Василий Кок, иначе дядя Вася Кокушкин. Обитатели Каменного, очень многочисленные в том суровом году, хорошо знали эту высокую, прямую, как фок-мачта старого фрегата, фигуру.

На лице, на шее, на кистях рук комендора Кока зимой и летом лежал ровный, никогда не проходящий загар красно-медного оттенка, тот самый загар, который дают людям только море и флотская служба.

Когда он шёл где-нибудь по тихой улице, встречным издали бросались в глаза его усы, длинные и прямые.

Когда же на деревянном пирсе Мореходной станции дядя Вася, войдя во флотский азарт, скидывал чёрный бушлат, стягивал через голову стократно заштопанную, но всегда бесподобно чистую телняшку и, объявив аврал, начинал учить окружающих уморазу, ребята, работавшие на станции, сбегались со всех сторон и открывали рты. Поглядежь было на что: под кожей старого моряка, как живые, шевелились стальная крепость мышцы, а сама кожа от поясицы и до плеч была вся расписана многоцветной и узорной манильской татуировкой... И какой!

Это не были жалкие синеватые якорьки и буковки, какие можно нередко встретить в нынешние времена. Нет, нет. По спине и по груди дяди Васи Кока мчались львы, порхали павлины, переплетались кронами зелёные пальмы... Стоило ему нагнуться или выпрямиться, и косоглазые будды начинали кивать головами и раскланиваться, попугаи

размахивали крыльями, миловидные японки поводили плечами... Мальчики созерцали эти чудеса, как зачарованные; людям же нервным и впечатлительным не рекомендовалось даже издали смотреть на татуировку старого цусимца.

Да, он был цусимцем, дядя Вася Кок, боцманматом с «Бородина». В девятьсот пятом году он шёл с адмиралом Рождественским к берегам островка Цусима, еле спасся на шлюпке, когда «Бородино» перевернулось килем вверх, был подобран в числе других крейсера «Аврора» и после конца войны благополучно вернулся в Санкт-Петербург. Потом по ранению и контузии его списали с флота. Около десятка лет он служил шкипером на устьях пароходов Финляндского общества, возил от Летнего сада на острова петербуржцев... Два года ему пришлось водить по Неве до Шлиссельбурга большие и малые буксиры...

И вдруг — 17-й год... От Камы до Одессы, от Холмогор до Энзели слышали люди про Василия Кока, большевистского комиссара-матроса, чёрного дьявола для одних, единственную надежду для других... Три раза он был ранен, умирал, тонул, замерзал в снегу... Голова его была оценена сначала в пятьдесят тысяч колчаковских рублей, другой раз — в пятнадцать тысяч долларов.

В последние годы перед новой войной старый морской волк, инвалид Кокушкин, доживал свой век на пенсии на Каменном острове, поближе к воде. Кроме того он служил «старшим морским начальником» на Пионерской мореходной базе городка № 7, а ещё кроме того он был моделистом.

В маленькой комнатке окнами на юг, где он жил, кроме стола и безукоризненно застланной койки (днём она на особых стропках и блоках подтягивалась к потолку), помещался небольшой верстачок. А под самым потолком, медленно поворачиваясь на тонком шпигате, вечно плыла куда-то вдаль многопарусная эскадра ярко раскрашенных кораблей...

Гордые фрегаты соседствовали тут с остроносными паровыми яхтами. Утлогообраз-

ный грузный «Потёмкин» колебался рядом с многопарусной «Предестинацией» времён Петра, колюмба «Санта-Мария» раскланивалась с забавными круглыми «Поповками» конца XIX века.

В окно било солнце. Стены и печка были покрашены белой масляной краской. Из круглых рамок, изображающих спасательные круги, глядели фотографии каких-то стародавних броненосцев. А по обе стороны окна на железных штырях были наглухо укреплены два бортовых сигнальных фонаря — зелёный и красный.

И когда вечером, придя в благодушное настроение, дядя Вася вдруг зажигал эти огни, того из ребят, который сидел в это мгновение на краешке спущенной с потолка койки, охватывало совсем особое настроение. Ему внезапно начинало казаться, что потолок комнаты исчезает, стены качаются и раздвигаются, пол начинает ходить ходуном, и в безбрежной дали встают из дымки то какие-нибудь Шантарские острова, то мыс Гвардафуи! Такой уж был он, дядя Вася Кок.

И надо же было случиться, чтобы в 1941 году судьба послала этому старому морскому волку сразу двух сыновей.

По-настоящему Лодя был сыном инженера-геолога, жившего в том же самом «городке № 7». Когда началась война, геолог Вересов стал командиром тяжёлой батареи на одном из флотских бронепоездов. А Лодя и его мама не успели эвакуироваться из Ленинграда. Маму-Мику в сентябре убило снарядом, который разорвался на площади перед гостиницей «Астория».

Всю осень и половину зимы — страшной блокадной зимы 1941 года, — тринадцатилетний мальчик прожил то тут, то там, то у одних, то у других знакомых. Потом Лодю нашли друзья его отца, старики Федченко, и взяли к себе.

В начале февраля Лодя заболел чем-то вроде гриппа. И вот однажды, когда в квартире никого не оказалось, он, в бреду, не понимая, что делает, оделся, натянул валенки, повязал на шею кашеи и отправился через весь город «домой», в «городок»...

Почему и как пришло ему в голову такое намерение, он никак не мог потом вспомнить. Просто, вероятно, захотелось хоть один раз ещё — хоть последний разочек! — побывать там, где он жил в счастливые, такие недавние и такие бесконечно далекие

А кроме того он был модельстом...

мирные дни... Посидеть опять на кожаном кресле у папиного стола, взлетать на краснокрылый планерчик, висевший на проволоке под потолком... Давно — ох, как давно! — строил он этот планер вместе со старшим другом своим, с Кимушкой Соломиным...

Не помнил Лодя в точности и всего того, что потом случилось с ним в тот день. В бреду он пересек город. И поздно вечером, во время тревоги, он, сбившись с пути, сполз как-то на невский лёд у Каменноостровского моста, уткнулся тут в тёмные брёвна ледореза, упал на снег и, конечно, заснул бы последним сном замерзающего, если бы чьи-то сильные руки не подняли его со льда... Басистый голос рявкнул ему в самое ухо: «Эй, эй, браток! Нашёл где пришиватьваться! Вставай, вставай! Э, да ты вон какой...»

Этот дядя Вася Кок наткнулся на Лодю в неверной полутьме лунной и облачной февральской ночи.

Дядя Вася нёс на руках беспомощного, потерявшего сознание мальчишка в свою, даже и в эти дни тепло натопленную комнату, а второй его приёмыш в это время дремал на другом невском рукаве, по ту сторону того же Каменного острова.

Он дремал, окаймлённый узкой прорубью,

которую уже затягивал лёд. Нос его был покрыт огромным серым брезентом. Высокая труба, закрытая сверху для защиты от снега искусно сплетённым соломенным колаком, глядела прямо на Полярную звезду... Холод зимней ночи был ему нипочём. Поэтому что он был буксиром, небольшим невиским буксиром, построенным на Ижорском заводе в 1898 году. И звали его «Голубчик II». Такое ему было дано имя.

* * *

Ещё осенью, месяца за три до встречи с Лодей, дядя Вася Кок, выйдя утром на пирс базы, увидел, что течение принесло к нему повреждённый, покинутый командой буксирный пароход.

Ночью противник сильно стрелял по городу. Наверное около маленького судна недалеко упал снаряд: его борта были пробиты, труба погнута, машина повреждена взрывной волной.

Буксир — не трамвайный вагон. Буксир — не какой-нибудь грузовой. Буксир — корабль. Мог ли Василий Спиридонович Кокушкин оставить корабль без внимания и присмотра?

Безусловно, нет!

Он пришвартовал «Голубчик II» к кнехтам Пionерской мореходной базы, осмотрел с придирчивой тщательностью, обследовал от верха трубы до трюма и две недели не отходил от телефона, пытаясь отыскать хозяев буксира...

Странно сказать теперь, — но ведь дело происходило в Ленинграде блокадном, когда гремели обстрелы, грохотали бомбёжки, вязкой волной напалоза голод, — никаким хозяев «Голубчику» не нашлось, и дядя Вася с чувством тайного удовольствия убедился, наконец, что, кроме него, буксир решительно никому не нужен. Он был круглым сиротой, так сказать. Его можно и шутно было усыновить. И Василий Спиридонович Кокушкин, год рождения 1890, усыновил тридцатидвухметровый буксир «Голубчик второй», год рождения 1898.

Сделать это было не так-то просто, как кажется. У дяди Васи Кока было очень много дел в ту тяжёлую зиму. С осени его назначили партийным организатором по жидмассиву № 7 на Канонном, и он с честью и усердием исполнял новые обязанности; а потом, когда случайным снарядом убило на улице коменданта городка, на его плечи легло ещё и комендантство...

Тем не менее, изо дня в день, поздно вечером или даже ночью, дядя Вася неуклонно шёл на свой флагманский корабль, пробивал, крихты и пофыркивая, пешней узкую майну вокруг него, скидывая снег с палуб, на свирепом морозе чинил и перебирал машину... Крепкая мысль засела в голове этого фантазёра, Василия Кокушкина. «Вот придёт весна, погонят наши проклятого, и буксиры станут тут нужные, ой, как нужные! Тогда оба мы понадобимся, и я, и ты, сынок! И пойдём тогда мы с тобой в райком и скажем партии... Скажем: вот погубил корабльшко, а, однако же, не погиб!.. И дадут нам с тобой, друг ты мой, хорошую работёнку...»

Он был, повидимому, основательным чудакон, Василий Спиридонович Кокушкин, старый боцманнат с «Бородина! Явным чудакон... Но надо признать: если бы на свете жили одни такие чудакон, как он, хорошо бы жилось тогда в мире людям, и наверняка не было бы в нём ни войн, ни чудовищных блокад, ни злобы и несправедливости...

В октябре дядя Вася усыновил первого своего приёмшаша, а в феврале — второго, Лодя Вересов потребовал тогда не меньшего ремонта, чем буксир. Он долго «стоял в доке», то есть, по-людски говоря, лежал в госпитале. Он был так истощён и слаб, что до тех пор, пока сознание не вернулось к нему, дядя Вася Кок даже и не знал, кого именно он спас. А очнувшись Лодя уже в марте, когда деда пошли в Ленинградке лучше и когда старичков Федченко эвакуировали. Не удивительно, что Лодя так и остался жить у Василия Кокушкина. И уж совсем не удивительно, что, как только он окреп, старый мапрос привёл его на набережную, где в посиневшем льду чернел «Голубчик», и объявил мальчишка своим «старпомом» по этой единице флота.

Василий Кокушкин обучил Лодю всем премудростям корабельно-буксирного дела. Потом он привёл на свой корабль худую, но весёлую и крепкую рыжеволосую девушку, Таню Жоголеву. Таня стала механиком, потому что до войны она воювала по асфальтируемым улицам города тяжёлый самоходный каток. И, наконец, в первых числах мая «Голубчик II» был торжественно передан Василием Кокушкиным начальству.

Начальство ахнуло было, но время было неподходящее для того, чтобы ахать. Враг ещё стоял под городом. Буксиры были на жёстком счету, людей для них не хватало. И «Голубчик II», со своей необыкновенной командой, получил немедленное назначение: отныне и впредь он должен был изо дня в день водить баржи с продовольствием из Ленинграда в морской форпост его, в Кронштадт, попереёк той части Финского залива, которая вот уже 150 лет как носит у ленинградцев и балтийских моряков фамильярное и забавное название — Маркизова Лужа.

* * *

150 лет эта «Лужа» и на самом деле была лужей — мелководным окончанием залива, мирным полем действия для спортивных яхточек да рыбацких лодок. Но в 1942 году дела тут обернулись совсем иначе.

В этом году на южном берегу Маркизовой Лужи стояли немцы. Их тяжёлые батареи были направлены на залив. Их наблюдатели из Петергофа, из Стрельны видели всю его неширокую «акваторию»: между Петергофом на южном берегу и Сестрорецком на северном всё расстояние не превышает десяти — одиннадцати миль; снаряд, вылетевший из пушки в Стрельно, может легко перелететь залив и упасть где-нибудь в лесах за Лисьим Носом.

Немцам не хотелось, чтобы связь по морю между Кронштадтским районом и Ленинградом могла продолжаться. Особенно возмущало их, что подводные лодки Балтийского флота, возвращаясь из походов в откры-

ту Балтику, добирались, до Невской дельты и бесследно исчезали в огромном городе. Днём и ночью немцы следили за заливом. Днём и ночью обстреливали они каждую движущуюся точку на его серебристо-серой, как чешуя финской салаки, поверхности. А по ночам малейшее движение склоняло к его волнам с прибрежных холмов многочисленные лучи прожекторов, и снаряды вылетали из пушечных жерл, и «мессеры» или «юнкеры» повисали над водой, и буро-белые фестоны взрывов и всплесков возмущали спокойную гладь...

Но связь не прерывалась. Корабли шли... И через две недели после своего первого выхода в море «старпом» «Голубчик» Лодя Вересов, год рождения 1929, столько раз видел, как рвался в зеленоватой воде снаряды, столько раз слышал вой пикировщика, что его по праву мог бы уважать любой морской волк Атлантики или Тихого океана. Маркизова Лужа была меньше, чем море Сулу, но отнюдь не безопаснее...

Лодя Вересов не испытывал большого страха. Командиром у него был Василий Кок, а в конюгаре, рядом с Таней Жоголевой, шуровала топку котла Марьяна Савельевна Зимина, женщина пятидесяти лет отроду, плечи которой были на 4 сантиметра шире ладьи васинных, а голос — на октаву ниже. Она была вдовой командора, убитого немцами ещё в ту войну на линкоре «Слава» в знаменитом Моозундском бою. На «Голубчик II» её прислали прямо из Управления, и она пришла тут как по мерке.

Так вот и шли дела. Их было много, дел. Но всё же Василий Спиридонович был доволен судьбой только на 99 процентов: вещь важная — таскать баржи, но ему сейчас хотелось чего-то большего. И, наконец, это «большее» пришло.

В первых числах июня того года подводная лодка Балтфлота «Щ-003» под командованием капитан-лейтенанта Розадовского, вернулась из дальнего плавания.

Много дней и много ночей длился её поход в открытой Балтике, охота за транспортами противника. Много дней и ночей подводный корабль пробирался домой по узкому, в десятки мест перегороженному минными заграждениями Финскому заливу... Долгие часы лодка, скрываясь от катеров врага, отлёживалась на грунту глубоко под водой. Люди, задыхаясь в испорченном воздухе, говорили шепотом, чтобы их нельзя было услышать через акустические приборы, ходили босиком, чтобы не шуметь. И всё-таки глубинные бомбы рвались вокруг; в лодке разбивались лампочки, потухал свет, портились механизмы... А стоило всплыть на поверхность, чтобы застаться чистым воздухом, как к судну сразу же кидались вражеские «москиты».

Машины стали сдавать, всё хуже и хуже работало управление: глубинные взрывы не проходят даром.

Наконец третьего числа всё это кончилось. Вечером «Щ-003» была ещё на траверзе Вьорка, а к утру Розадовский, подняв голову от карты, улыбнулся впервые за последнюю неделю и приказал продвигать цистерны. Пришли домой, в свои воды...

Отдаренный лок, чмокнув, открылся. Се-

ребристо-сиреневая ночь лежала над заливом. Тишина царила вокруг, полный штиль, глубокое спокойствие... Две зари, обнимая одна другую, отражались в недвижном море. Кое-где с воды полосами поднимался лёгкий туман; в протисках у дальнего берега крикали и плескались дикие утки; ещё дальше на берегу скрипел в росистой траве коростель; над морем растекался алыющий от туды, с земли, сильный, пьяный, родной запах: на берегу вовсю цвела в эти дни черёмуха...

Не случилось вам всплывать так, вырываясь из рук беспощадной смерти, ранним утром, в своей, безопасной воде, навстречу солнцу, свету, чистому воздуху, навстречу соловьиному пению и вешнему буйному запаху черёмухи? Не случилось?! Ну, так передать этого словами нельзя!

Сосна и сохнувшие на песке водоросли, сею, оставшееся на каком-то лужке, береговой дымок из затопленной рано поутру печки, внешний туман и черёмуха, черёмуха, черёмуха... Всё самое близкое, самое любимое, самое родное... Родина! Мать! Здравствуй... Мы живы!

К вечеру «Щ-003» прибыла в Кронштадт, простояла там сутки, а на следующий день, — вернее, в ночь — ей приказано было идти в Ленинград на доковый ремонт, стоянку и отдых.

Сделать этот двадцатимильный переход было не так-то легко. Как уже было сказано, всюду на южном берегу залива стояли немецкие батареи. Однако после всего того, что уже пережили подводники, это казалось им пустяком. Погода в последние дни была устойчивой, на море какие-то сутки ложился к полному молочно-белый туман, горизонт затягивало дымок. Пройти, казалось, будет можно... А чтобы не рисковать ничем, «Щ-003» должны были сопроводить два быстрходных катерка-дымовзавескиса. Ежели туман — не к ночи будь сказано — рассеется, на них падала задача заградить усталую лодку длинной серебрино-белой завесой дыма.

«Чтобы не рисковать ничем!» — сказал командир дивизиона. Прекрасные слова! Но если бы выпадали на войне такие дни, когда можно не рисковать ничем!

Вечером лодка вышла из Кронштадта. Часам к десяти последние зелёные маячки-мигалочки остались позади, и громада Николы Морского, кронштадтского собора, расплылась в сумерках за спиной. Немного позже море затнуло туманом. Лодка и катера шли теперь, точно в молеку: лучшего и ожидать не приходилось. А в двенадцатом часу всех, кто был на лодке, потянула мягкий, но сильный толчок. Послышалось какое-то шуршание, и лодка остановилась. Что случилось?

Случилась очень нехорошая вещь.

Маркизова Лужа мелка. Глубокие впадины фарватера тянутся по ней только в одном месте. Вокруг рылые песчаные отмели, которые неустанно насыпают и размывает заново великая труженица, река Невы. И вот уж трудно сказать, что же именно произошло в тот раз: неевские ли струи неожиданно перенесли большую мель на новое место или приёбы лодки, расшатанные глубинными взры-

вами, вдруг отказали и привели её на неверный курс, — только она со всего своего двенадцатизубового хода врезалась в мягкий и вязкий илестый зыбун. Целый колом морской грязи, спрятанный на дороге, как самая коварная западня!

Капитан-лейтенант Розадовский быстро вышел на узкую палубу лодки.

— В чём дело, мичман? — с досадой спросил он.

— Банка проклятая не на своём месте, товарищ капитан-лейтенант! — хмуро ответил мичман Лазарев. — Ей бы кабельтовых на две мористее быть... В самую сердцевину втесали.

Туман вокруг был плотен и густ. За ним, как за слоем ваты, тихонько ворковали моторы катеров: они, наверное, уже искали лодку. Капитан-лейтенант секунду или две прислушивался. Потом он приказал дать полный задний ход дизелями...

Винты послушно завертелись в обратном направлении, но нет: отменя не отпустила свою добычу...

В первые минуты положение не показалось угрожающим никому. Однако время шло, а лодку попрежнему держали незримые мягкие руки...

Осторожно подошёл к ней один катер, потом другой. Попробовали взять «Щ-003» на буксир с кормы... Ничего не получилось: силы лёгких судёнышек были чересчур малы, чтобы сдвинуть с места лодку, но более чем достаточны для тонких пеньковых тросов... Концы лопнули один за другим, звонко, как струны, а лодка даже не пошевельнулась...

И примерно в тот миг, когда не выдержал второй канат, капитан-лейтенант вдруг ощутил первое прохладное дыхание поднимающегося лёгкого ветра береговичка. Капитан-лейтенант вздрогнул: стоило береговичку окрепнуть, и тогда...

Так в точности и случилось. Ветер усилился... Один из катеров бросился ставить завесу на место разгоняемого тумана. Но ветер задул лёгкими шквалами, подхватил её и понёс, почти не разрывая, через море туда, к Сестрорецку. И почти в тот же миг на юге громко хлопнуло, точно откупорили гигантскую бутылку. Злой противный свист перерезал пополам освещённое зарёй небо, и первый немецкий тяжёлый снаряд лёг метрах в двухстах мористее «Щ-003». Пере-лёт!

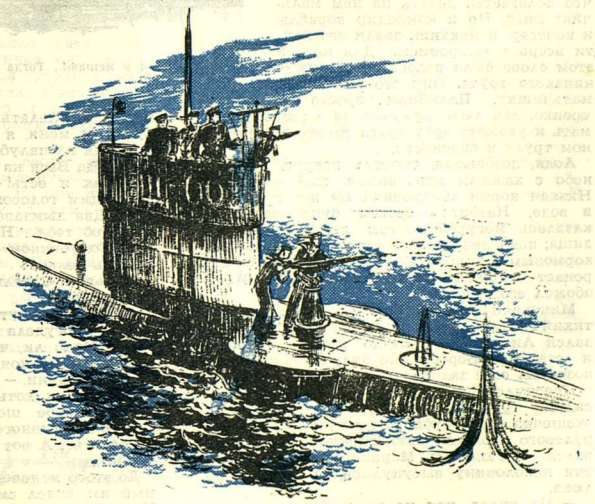
Это продолжалось почти час. Ветер отогнал весь туман от занятого немцами берега, и он стеной стал между Крон-

штадтом и лодкой. Николы Морского теперь не было видно. Но Ленинград ясно вставал впереди. Туманились постройки порта. Виднелись портальные краны Путиловской верфи. Ближе шёл невysокий берег, который поднимался к западу. С этого берега гремели тяжёлые залпы. А на море, внизу, открытая вражеским наблюдателям, беспомощная, чернея прикованная к месту «Щ-003», и около неё два катера, как два верных друга, предпочитающие сто раз погибнуть, нежели один раз покинуть товарища в беде.

Единственное оружие лодки яростно отвечало на огонь нескольких немецких батарей. Катера делали тщетные попытки восстановить завесу. Напрасно! Ветер уносил её... Немецкие снаряды уже ложились всё ближе и ближе, уже было трое раненых и один убитый... Уже лица команды покрылись пороховой копотью разрывов. Уже капитан-лейтенант несколько раз порывался сказать что-то, но всякий раз хватался рукой за горло: как страшно и горько было ему отдать роковой, хотя и неизбежный приказ... Как вдруг...

Как вдруг новая действующая сила совершенно неожиданно вмешалась в эту драматическую сцену.

Вперёд смотрящий «Щ-003» краснофлотец Руденко доложи, что видит слева по носу судно, небольшой буксир, идущий, повидимому, из Ленинграда в Кронштадт. Капитан-лейтенант рассеянно кивнул головой. Буксир действительно совершенно открыто шёл много севернее места драмы, и бурый дымовой султан его, растрёпанный ветром, раз-

Единственное оружие лодки яростно отвечало на огонь немецких батарей.

ведался чуть ли не до самых предместий города. Ему было можно, пожалуй, позавидовать, этому кораблику: немцам жалко было тратить на него выстрелы, но обращать на него какое-либо внимание Розвадовскому, конечно, не приходилось... Внезапно Руденко закричал ещё раз сквозь грохот разрывов:

— Товарищ капитан-лейтенант! Буксир разворачивается в нашу сторону!..

Капитан-лейтенант Розвадовский поднёс бинокль к глазам:

— Просигнальте: «Смертельная опасность! Берите нордистее». Да что они, в самом деле, не видят, что ли?

В круглое окошко бинокля он ясно увидел высокую трубу, выбрасывавшую клубы буро-чёрного дыма, острый форштевень, вздымавший на самом полном ходу бурун, коричневую, крашеную под дерево, игрушечную рубочку мирного судна... Собственно, смешно было думать, что на буксире не видят опасности. Там явно видели её. И тем не менее, дав полный до отказа ход, свернув со своего безопасного пути, они мчались навстречу верной гибели... Зачем? Чего ради?

«Голубчик II» отвалил от берега среди ночи. Предстоял уже двенадцатый рейс его в Кронштадт.

«Старпом» Вересов сидел на носу судна. Лодя делал на буксире всё, что полагается делать на нём мальчишкунге. Но и командир корабля, и кочегар, и механик звали его почти всерьёз «старпомом». Для него в этом слове была радость, для них — никакого труда. Они его полюбили, мальчишку. Полюбили просто и крепко, как люди приучаются любить, понимать и уважать друг друга только в совместном труде и опасности.

Лодя, позёвывая, смотрел вокруг. Светлое небо с каждым мгновением ещё светлело. Низкая корма «Голубчика II» почти сидела в воде. Натёртая тросом буксирная дуга казалась могучей костью допотопного чудика; пена непрерывно кипела за пенковым кормовым кранцем. Он был невелик, но коренаст и силен, этот «Голубчик», и Лодя обожал его...

Миновали начало Голодая. Промелькнул тихий и кустистый Вольный остров, показался Лисий Нос... Стало немного знобко, и «старпом» Вересов, не будучи вахтенным, позвонил себе задремать...

Проснулся он от того, что слева по носу сильно премело, а дядя Вася, отодвинув окошечко своей рубки, не отпуская рукоятку рулевого колеса, возбуждённо перекрикивался с Таней и Марьяной Савельевой: они наполовину высунулись из машинного люка.

— Не иначе, как на мель кто-то сел, дамочки! Ах ты, чтоб тебя!.. А он бьёт и бьёт по тому месту, проклятый. Вот беда ведь!..

— Если я мешаю!.. Тогда зачем было и брать меня?

Что ж тут делать-то?.. Жоголева, постой минутку за меня, я погляжу...

Выйдя на палубу с подзорной трубой в руках, дядя Вася на минуту поднёс её к глазам.

— Так и есть! — закричал он через миг плачущим голосом. — Подлодка на банке сидит!.. Два дымзавесника около вертятся!.. Ах ты, чтоб тебя!.. Нет, где им: разве сдёрнут? Это «Голубчиком» бы попытаться... Ну, что тут будешь делать?

Марьяна Савельевна из-под руки взглядела в даль.

— Как «что тут делать»? — глухоким своим басом прогудела она. — Идти надо... Помогать... Мало ли, что бьёт...

— Мать ты моя, Савельевна! — ахнул капитан Кокушкин. — Да что я, глупей тебя? Да бей он меня хоть до смерти!.. Мне седьмой десяток, тебе шестой!.. Нам что! Татьяна самого призывного возраста девица... Кому ж и воевать!.. А вот мальчуган-то, «старпом»-то у нас!..

До этого мгновения Лодя Вересов, не видимый им, сидел смирно, взглядываясь в даль. Но тут он вскочил, как подкинутый пружины.

— Если я... Если мне... Если я мешаю!.. —

закричал он, сжимая кулаки, чтобы не разрываться от негодования и обиды. — Тогда зачем было и брать меня?.. Товарищ капитан... Дядя Васечка... Вам седьмой десяток, а я... я пионер! Я всегда готов! Я...

Капитан Кокушкин только мимолётно глянула на умоляющее лицо своего «старпома» и бросился в рубку.

— Самый полный вперёд! — загредел его совсем другой, настоящий краснофлотецкий голос. — Ну уж... Держись же тогда, ребята...

Они орали друг на друга, как злейшие враги, капитан-лейтенант Розвадовский и капитан Кокушкин, когда их суда сблизились.

— Кула припёрся, сумасшедший старик! — неистовствовал офицер. — Да ведь одного осколка вам довольно, Марш обратно! Разворачивайтесь...

— Я тебе развернусь! — грохотал в ответ Василий Кокушкин. — Над ними командуй, а мне ты никто! Эй, на подлодке: держи швартов!

Лодя Вересов бросил канат. Кто-то из матросов мгновенно поймал его... Катера оба сразу кинулись опять ставить хоть кратковременную дымзавесу...

Прошло несколько минут страшного напряжения. Буксир «Голубчик» тянул, тянул изо всех сил... Динамометр на буксирном тросе его давно показывал предельную, потом сверх всякой предельной. Нет! Ни на один дюйм «Щ-003» не трогалась с места...

Тогда завели конец несколько в сторону, наискось. Лодка закаталась под могучим напором буксира... Марьяна Савельевна, вся в поту, швыряла уголь полными лопатами...

— Ничего не выйдет, — хрипло сказал Розвадовский штурману. — Сейчас они опять начнут бить. Я не имею права губить и свой экипаж... и этих сумасшедших. Командуйте переходить людям на буксир и на катера. Но штурман не успел выполнить приказа.

Дядя Вася появился на своей палубе с огромным синим мегафоном в руках. Известно, откуда он его добыл, но при его помощи он командовал своими баржами.

— Эй, там, на катерах! — загредел его усиленный рупором бас. — Слушайте мою команду: замкнутую циркуляцию. Полный ход! Ходите вокруг лодки... Больше волну...

В первый миг его, может быть, и не поняли. Но мгновение спустя, пока завеса кое-как держалась и немец, выжидала, прекратил стрельбу, оба катерка стремглав кинулись

выполнять приказ... Ну и старик! Теперь-то уж они всё поняли... Ай да старик!

Один круг, два, три, семь, десять... Могучие волны яростно схлестнулись на бортах «Щ-003».

— Круче! Круче! — ревел дядя Вася. — Давай ход! Ещё раз!

Он вглядываясь в лодку и вдруг, как шестнадцатилетний, одним прыжком кинулся снова в свою дверь...

— Полный вперёд! Танюша, голубчик! Волны, разведённые двумя быстрходными катерами на мелком месте, сделали своё дело. Они раскатали огромное стальное веретено, размыли ил и песок у его бортов. Вода замутилась, пошла пузырями... И когда «Голубчик» рванул, «Щ-003» медленно, неуверенно сдвинулась с банки и поползла, поползла...

Капитан-лейтенант Розвадовский устало закрыл глаза... Дело было сделано. Да, конечно: немцы били ещё. Один снаряд ударил так близко от «Голубчика», что осколки напополам перервали буксирный трос, продырявили трубу и выбили два стекла в командирской рубке. Другой упал почти на самую корму лодки, но, по великому счастью, не разорвался.

«Щ-003» была спасена.

Буксир «Голубчик» прибыл в Кронштадт с четырёхчасовым опозданием, и сведения о том, что произошло на море в квадрате таким-то, достигли города раньше его прихода, через катера. Встреча, которая была организована экипажу буксира, заслуживала бы особого описания: наши моряки умеют проявлять свои чувства.

Отправлять баржи в Ленинград было уже поздно. «Голубчиковцы» заночевали в военном порту.

Лодя Вересов почти спал, когда Василий Спиридонович, напополам разделившись, подошёл к его койке. Некоторое время он стоял молча и смотрел на Лодю.

— Так, говоришь, ты пионер? — спросил он, хотя Лодя не проронил ни слова.

— Пионер! — сонно пошевелил губами мальчик.

— Гм! — пробормотал старый моряк. — И много вас таких?

— Каких «таких»? Все такие... — сквозь сон выговорил Лодя.

Дядя Вася ещё раз издал своё невнятное «гм!» Потом он неторопливо подошёл к окну.

За окном, у пирса, — рукой подать! — поднималась высокая, чёрная с красным кольцом, знакомая труба. Это он, «Голубчик», с почётом стоял сегодня среди военных кораблей.

Прошло лето, весёлое пионерское лето! Как провели вы его? Что узнали за это время? Чему научились? С какими впечатлениями вернулись в школу? — с этими вопросами мы обратились к читателям нашего журнала. И вот что они написали.

Пять незабываемых дней

Я уверен, что это лето я буду помнить всю жизнь. Да и никто из горийских пионеров никогда его не забудет. В самом деле, разве можно забыть утро 29 июня, когда к перрону станции Гори подошёл нарядный экстренный поезд и улицы нашего города наполнились ребятами, при-

Москвичка Рая Чувикова и Лили Литанишвили, из Гори, обмениваются адресами. Девочки подружились за дни слёта и решили переписываться.

ехавшими со всех концов страны! У каждого на груди был небольшой значок с изображением домика Сталина — значок делегата слёта пионеров Грузии. Тут были пионеры из Кахетии, Аджарии, Картлинии, из Москвы, Ленинграда, Армени, Украины, Эстонии, Литвы, Северной Осетии, Сибири. Одни приехали на поезде, другие — на машине, третьи — на самолёте. Вот, например, Вова Песковец из Красноярска — он «налетал» 25 часов, пока добрался до Тбилиси. А одна девочка — она живёт в Туруханском крае, недалеко от того места, где был в ссылке товарищ Сталин, — так эта девочка и на пароходе по Енисею плыла, и на самолёте летела, и поездом ехала, чтобы попасть к нам.

Слёт был создан в Гори, на родине товарища Сталина. И, конечно, наши гости прежде всего хотели увидеть домик, где Сталин родился. Прямо со станции все пошли туда.

Вот он, маленький, скромный домик. С волнением осматривали его ребята. «Полумай! — говорила одна девочка другой. — За этим самым столом Сталин мальчиком читал книги и готовил уроки! И эта же самая лампа тогда горела!»

С волнением слушали мы рассказы о детских и школьных годах Сосо Джугашвили. Рассказывали нам об этом товарище Глурджидзе и Елисабедашвили, которые знали Сталина в детстве.

Ребятам хотелось всё увидеть в родном городе великого вождя. Мы, горийцы, показывали им семинарию, где он учился. Водили на старинную горийскую крепость, рассказывали героическую историю Гори, древней столицы Грузии. А вечером в театре мы исполняли для них народные грузинские танцы, пели наши чудесные песни.

Долго-долго мы не расходились. И даже когда закончился праздник в театре, город не заснул. У всех наших пионеров были гости в этот вечер, потому что мы пригласили делегатов слёта к себе домой. Везде горели огни, везде были накрыты столы. Мы заранее нарезали для наших новых друзей самых лучших фруктов. Наши мамы уго-

щали гостей грузинскими кушаньями. Это был такой весёлый, такой радостный вечер!

На другой день мы все поехали в Тбилиси. В каждом вагоне звучали песни — русские, грузинские, украинские, эстонские. Ребята не отрывались от окон, а мы рассказывали о тех местах, мимо которых проезжали. Вот Уплис-цихе, древний пещерный город, здесь бывал на экскурсии вместе с другими учениками духовного училища Сосо Джугашвили. Вот Мцхета — этот город был столицей Грузии после Гори. Вот знаменитая Земо-Авчалская гидроэлектростанция. А вот это, видите там, на горе, — старинный монастырь, это о нём Лермонтов писал в «Мцыри». Помните: «Там, где сливаясь шумят, обнявшись будто две сестры, струи Арагвы и Куры, был монастырь...»

Очень интересно прошли остальные дни слёта. Мы осматривали исторические места Тбилиси, связанные с революционной деятельностью товарища Сталина. Побывали в подпольной Авлабарской типографии; она совсем такая же, какой была в 1903 году, когда бесстрашно работали там большевики-подпольщики. Как захотелось нам всем быть такими же стойкими и преданными партии! В музее нам подробно

Депутат Верховного Совета Грузинской ССР Георгий Иванович Елисабадшвили с делегатами слёта.

рассказали о работе Ленина и Сталина. Многие узнали мы и решили глубоко и серьёзно изучить жизнь наших великих вождей.

Часто-часто вспоминаю я дни слёта. И сейчас, когда я пишу это письмо в журнал, мне кажется, что я разговариваю со всеми своими новыми друзьями.

Привет вам из Гори, ребята!

Марлен Ниношвили,

ученик 7-го класса 2-й мужской школы
г. Гори.

Хороший месяц — июль

Вот уже осень, я давно хожу в школу, а всё вспоминаю и вспоминаю месяц июль.

Мне тринадцать лет, и хотя у меня было плохое в жизни (ведь у нас в селе были немцы!), но и хорошего много случилось. А этот месяц — июль — был самый хороший: первого июля приехал из армии мой папа, а потом меня выбрали делегатом пионерского слёта, и я поехала в Киев.

Село наше маленькое и от железной дороги стоит далеко. А поезд на Киев уходит рано, и, чтобы не опоздать, надо встать до света. Мы с папой вышли на улицу, смотрим, а у нашей хаты пионеры стоят. Папа спрашивает:

— Это что за таинственные личности нас тут караулят?

— Это не личности, — говорю я, — это — наше звено, наверно, они пришли провожать.

Когда папа уезжал в армию, нам было лет по семь-восемь, и поэтому он не узнал ребят. Все вместе мы пошли к станции. И уже около станции Водя Ярынов вдруг говорят:

— Что ж это мы никого не выбрали на место тебя? Кто ж будет вожатым звена, пока ты будешь на слёте?

Но выбирать уже некогда было. Скоро должен был подойти поезд, я в шутку говорю:

— Папа, оставайся вместо меня.

А ребятам понравилось, они стали шуметь:

— Давайте, Егор Ильич, вместо Леси.

Мой папа был пионером ещё в то время, когда не было колхозов. Кулаки тогда грозились, что сдерут с пионеров красные галстуки, и один раз избili папу за то, что он писал против них плакаты, но папа, конечно, не вышел из отряда...

В большом городе я никогда раньше не была. Наверно, есть города лучше Киева, но мне кажется, что лучше нет. Дома высокие, красивые; улицы широкие и чистые; вечером на улице светло — прямо хоть книгу читай. И много красивых памятников, а деревья такие, как у нас в деревне растут, но повыше. Только много домов немец разрушил.

Мы ехали с вокзала в машине, я села возле самого шофера. Едем быстро, всюду флаги. Я спросила шофера:

— Почему у вас всюду флаги, ведь сегодня не праздник?

— Как же, — говорит, — не праздник, когда ты в Киев приехала?

14 июля в Киеве состоялся большой пионерский праздник. В этот день пионеры 25 областей Украины съехались на Второй республиканский слёт. Праздник открылся парадом по городу. На снимке: первая колонна, её возглавляет оркестр пионеров города Житомира.

Я говорю:

— Вы, дядя, шутите, а я, правда, не знаю.

А он отвечает:

— Я не шучу. У нас сегодня праздник, потому что пионеры со всей республики съехались в столицу на свой слёт. Поэтому и флаги. Увидишь завтра, сколько людей придёт на открытие вашего слёта.

И правда, на открытие пришло очень много народа—со всех заводов и фабрик. К нам на слёт пришёл Лазарь Моисеевич Катанович. А на костре были знаменитый партизанский командир Сидор Артемьевич Ковняк, учёные и артисты.

Я, когда ехала на слёт, немножко боялась. Приеду сюда, а тут городские, умные, ещё разговаривать со мной не захотят. А папа говорит мне: «Ты не в Америку едешь! У нас, в Советском Союзе, все ребята—знакомые и незнакомые—товарищи. И ты никого не бойся».

Я приехала и сразу перестала бояться. Сразу со многими познакомилась: с Витей Комаровым из Закарпатской Украины, с Леной Ткаченко, с Валей Демухом из Одессы и многими другими.

На второй день у нас была пионерская конференция. Мне ребята ещё в селе говорили: «Ты там обязательно Расскажи про нашу работу».

Ребята рассказывали о хороших делах своих отрядов. А остальные слушали и записывали, чтобы сделать самим то, чего у них ещё нет. Я тоже записывала, потому что мне, как и всем делегатам, хотелось, чтобы мой отряд был хорошим.

Я записала, как пионеры Запорожья заботятся

о детях погибших воинов, как ребята из Херсона путешествуют по родному краю, как пионеры из Винницкой области построили свою школьную электростанцию, как харьковские пионеры сделали радиоприёмники для колхозников, и ещё многое другое. На слёте я узнала, как много хорошего делают пионеры нашей республики. И все хотят сделать ещё больше для своей Родины.

Во время слёта была открыта выставка юных техников и юннатов. Там было всё самое хорошее, что смастерили или вырастили пионеры. Я пожалела, что не привезла ничего, а я тоже могла привезти хлопкок или помидоры, которые мы вырастили на картофеле.

Пять дней мы были в Киеве. Мы ходили в театр, ездили по Днепру на пароходах, нас возили в машинах и показывали нам город.

Когда я приехала домой, на станции меня встречали папа и наше звено. Папа отдал мне честь и доложил по-военному:

— За время вашего отсутствия звено работало ещё лучше, чем при вас...

Правда, откуда меня не было, председатель колхоза премировал наше звено барабаном и горном. Звеньевым был Володя Крайнов, а папа ему только советовал, как и что делать.

Дорога до деревни длинная, и я всю дорогу рассказывала папе и ребятам о слёте, но даже половины не рассказала. И до сих пор всё рассказываю: то одно, то другое вспоминаю.

Лесья Огородниченко
УССР, Николаевская область.

Пионеры колхоза «Горшиха»

Мы живём в орденоносном колхозе. «Горшиха» славится породистыми коровами и лошадами. У нас много овец, свиней и всякой птицы. Правительством наградили наш колхоз орденом Ленина за хорошую работу. В кабинете Ильи Ивановича Абросимова, председателя колхоза, все стены увешаны почётными грамотами и благодарностями колхозникам за честную стахановскую работу. У нас все работают очень хорошо, поэтому и колхоз наш зажиточный.

В этом году весной колхозники написали товарищу Сталину письмо, в котором обещали с честью держать звание орденоносного колхоза.

Когда наш отряд узнал об этом, то и мы решили участвовать в выполнении обязательства колхозников. Мы составили себе свой план и решили, что каждый пионер и школьник за лето должен выработать не менее пятидесяти трудодней. Всем вместе нам нужно было заготовить 5 тонн веточного корма для овец и коз, 40 тонн силоса, прополоть и убрать овощи с 8 гектаров и с 80 гектаров собрать колоски.

Работали мы целое лето. Оказалось, что многие из нас справляются с любым делом. Коля Яснев и Гена Колотухин вместе со взрослыми силосовали корма и возили навоз с колхозных дворов в поле. Коля вывез сорок возов, Толя Мурашова и Эля Комарова только на прополке свёклы и лука выработали по двадцать пять трудодней, а они ещё вооружили сено.

Нина Иванова уже в июле выработала 45 трудодней.

Правление колхоза ещё не подсчитало, сколько точно трудодней заработали пионеры и школьники нашей школы, но мы уверены, что это будет во много раз больше, чем мы думали, когда составляли свой план. Работать в поле нам понравилось, и многие из нас сделали больше, чем собирались.

*Председатель отряда Коля Яснев
Пионеры: Нина Иванова, Толя
Мурашова, Эля Комарова.*

Колхоз «Горшиха»,
Медянский сельсовет,
Ярославской области.

Лариса Грекова, воспитанница 168-го детского дома Ярославской области, нарисовала, как пионеры их дружины помогают колхозникам убирать лён.

Первый отряд нашей волости

Я живу в Латвии, в Ликснакской волости, Даугавпилсского уезда. Год назад меня избрали председателем совета отряда. Это был первый пионерский отряд в нашей волости. Раньше мы не знали, кто такие пионеры, но комсомольцы в нашей волости были. Они пришли к нам в школу и рассказали о пионерских отрядах в русских школах.

И вот у нас тоже организовался пионерский отряд. Сначала мы только читали «Пионерскую правду» да разучивали песни. За зиму мы выучили «Пионерский гимн» и другие песни.

Пришла весна, мы сдали экзамены, а что де-

лать дальше, не знаем. Лагерь у нас ещё нет, живём мы на хуторах — далеко друг от друга — и летом обычно встречаемся редко. Но это лето получилось у нас особенное.

В нашей волости организовался коннопрокатный пункт. Оттуда все бедные крестьяне берут лошадей для работ в поле. Комсомольцы узнали, что конюхи на этом пункте не справлялись с работой и послали нас на помощь. Мы пошли и сказали, что хотим ухаживать за жеребятами. Всё лето двенадцать пионеров нашего отряда работали на конном пункте и на целую зиму запасли жеребятам корм.

Это была первая общественная работа пионеров нашего отряда. В этом году в нашем отряде будет ещё интереснее: мы теперь знаем, что надо делать.

Илма Боровская.

Латвийская ССР, Даугавпилсский уезд,
Ликснакская семилетняя школа.

Причудливые скалы

«Перья» — самые трудные для переходов скалы в заповеднике. Чтобы пройти по ним, столбисты прыгают с «перья на перья», хоть места для разбега нет.

Я люблю свой город и особенно его окрестности. У нас есть необыкновенные, очень интересные места. Например, заповедник Столбы на правом берегу Енисея. В густом тайжном лесу на несколько километров тянутся совершенно голые, без травы и кустарников, гранитные скалы и утёсы. Издали они в самом деле похожи на столбы.

Красноярцы очень любят ходить в заповедник и взбираться на столбы. Это совсем не легко, и стать столбистом в Красноярске считается почётным. У нас даже есть спортивно-альпинистское общество «Беркут», в котором состоят лучшие скалолазы. Но туда не принимают ребят, а только взрослых. А мне в это лето очень повезло: я ходил на Столбы с настоящими столбистами.

Скал в заповеднике много, и все они разные. Одна скала очень похожа на голову старика и называется Дед. Есть скала Колокол. Если по ней ударить ладонью, то она зазвонит, как колокол, и звон этот даже в тайге слышен. Есть скалы, на которые можно взбираться только по расщелинам или по совершенно отвесным и скользким стенам.

Самая высокая скала в заповеднике — Второй столб. Она интересна ещё и тем, что хранит память о революционном движении рабочих Красноярска.

До Октябрьской революции на Столбах часто устраивались тайные революционные сходки рабочих. Среди рабочих было много столбистов, и полиции трудно было их преследовать. Вот какую историю о тех временах рассказывают старые столбисты.

В 1899 году на вершине Второго столба рабочие огромными буквами написали слово «Свобода». Полиция заволновалась, но виноватых не нашла. За большие деньги один бесчестный человек согласился подняться и закрасить это слово, но краски у него хватило только на одну букву «С». Тогда полицейские велели столбистам поднять их на скалу. Они решили сами сбить слово «Свобода». Мучились они, мучились, но так ничего и не сделали, а когда собрались спускаться, столбистов нигде не оказалось. Полицейские просидели на столбе больше суток.

Скоро я стану настоящим столбистом и узнаю всю историю Красноярского заповедника.

г. Красноярск.

Владимир Беляк,
ученик 6-го класса 2-й школы

Двадцать пять пионерских костров

На крутом берегу извилистой и прозрачной реки Туношонки, в двадцати двух километрах от города Ярославля, был раскинут палаточный лагерь областного пионерского актива. Единственное открытое место в лагере выходило на Туношонку. Кругом такой густой берёзовый лес, что отойдешь немного в сторону, и лагеря уже не видно. Вокруг палаток, там, где были пни и кочки, мы сделали ровные широкие аллеи и посыпали их белым песком. По бокам аллей и у каждой палатки мы выложили из песка, диких ягод, еловых шишек и веток гербы советских республик, лозунги, пионерские атрибуты. И наш лагерь стал парадным.

Жизнь тут, в лесу, у реки, была чудесной. Походы, военные игры, лесной маскарад, ночные дозоры у костра, когда дедушка-сторож рассказывал нам разные истории, — всё это запомнится нам навсегда. А чудесней всего был один наш лагерный праздник, о котором мы и хотим рассказать.

В честь двадцатипятилетия пионерской организации мы решили зажечь двадцать пять костров — двадцать четыре звеньевых и один общелагерный. Никому из нас ещё не приходилось видеть столько костров!

В назначенный час по горну все пионеры в парадных формах собрались на торжественную линейку.

Сумерки уже спустились над лагерем, когда в небо с шумом взвилась зелёная ракета. Это был сигнал: всем звеньям бежать к своим кострам.

Наше звено было уже на месте, когда в небо поднялась вторая ракета — зажечь костры! И

Вот тут мы должны были показать свою ловкость: одной спичкой зажечь костёр. Этому нас учили в походах. Всё же приходится признаться, что два звена не справились с задачей и истратили на свои костры по две спички.

Скоро по всему берегу Туношонки горели костры. Ребята слушали беседы о юных патриотах нашей Родины и выступали со своей самостоятельностью. Со всех сторон неслись песни и музыка. Казалось, вся поляна поёт и веселится вместе с нами, а в лесу нас передразнивало эхо.

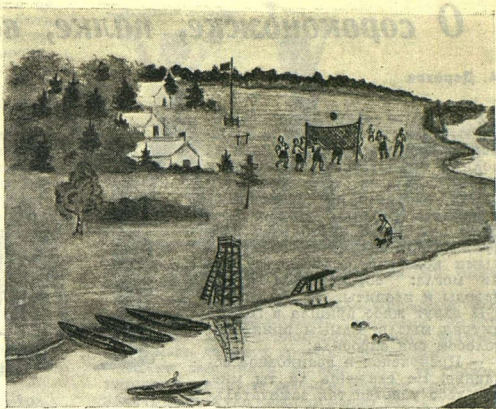
Наш костёр уже догорал, когда вспыхнула третья ракета, и со всех сторон ребята побежали к общелагерному костру. Здесь началось самое интересное.

В то время как председатель совета лагеря Володя Танкилевич зажигал костёр, мы собрались тесным кругом и громко прокричали стихи, которые сочинила девочка из нашего звена Нина Ляпина.

«В этот день в стране советской
Двадцать пять годов назад
Был основан пионерский
Самый первый наш отряд.
Этот праздник юбилейный,
Над страной пронесись,
И по лагерю родному
Двадцать пять костров зажгись!»

Костёр вспыхнул, затрещал, огненные искры высоко полетели в чёрное небо и осветили всю поляну. Мы отбежали от костра и снова крикнули:

«Ты гори, гори, костёр,
Пионерский наш костёр!
Разгорайся побыстрей,
Чтобы было веселей!»

«Пионерский лагерь в лесу». Этот рисунок нам прислал Юра Ефименко, станция Некоуз, Ярославской области.

Заиграл оркестр, и мы запели песню о Сталине.

Веселились мы долго. Пели, танцевали, читали стихи, ставили литературные шарады и загадки, а на прощанье танцевали пионерский вальс.

От костра остался один обгорелый шест, когда мы, жалея, что так быстро пришла ночь, выстроились на вечернюю линейку.

И вдруг новость: начальники лагеря объявили лагерь на военном положении.

На ночь у каждой палатки были выставлены караулы, а утром мы все превратились в офицеров и солдат, и целый день шла большая военная игра.

Пионеры Ярославского лагеря областного актива.
Валя Тропоткина, Тамара Звездина, Зина Губанова, Нина Ляпина.

Мы поместили только часть писем из присланных в редакцию, к сожалению, больше здесь нехватило места. Писем очень много, и все они говорят об интересной, увлекательной пионерской жизни. Члены клуба альпинистов при Тбилисском дворце пионеров совершили высокогорный поход. Ребята Уфы путешествовали по местам боёв Чапаевской дивизии. Люся Паничева из села Кукобоя, Ярославской области, была в областном пионерском лагере; она научилась новым интересным играм, песням, танцам и теперь сама учит этому пионеров своей дружины. О путешествиях на байдарках по Протве, Оке и Лопасне написали ребята 657-й московской школы.

Интересно прошло у вас лето, ребята! Желаем вам удачи и в новом учебном году!

О сороконожке, палке, верёвке и мячике

А. Дорохов

Рис. Я. Титова

Вы знаете старинную индейскую сказку о сороконожке? «Однажды сороконожка танцевала на солнце на опушке леса. Старая жаба сидела в тени большого камня, смотрела на сороконожку и злилась. Ей было обидно смотреть, как ловко перебирается пласунья всеми своими многочисленными ножками, а съест её она не могла: сороконожки очень тверды и ядовиты.

И вдруг жабе пришла в голову хитрая мысль. Самым приятным голосом она спросила:

— Прекрасное создание! Не скажешь ли ты мне, как тебе удаётся так замечательно распоряжаться своими ножками? Откуда ты знаешь, какая ножка поднимается первой, а какая — двадцать восьмой? Которая ножка опускается, когда поднимается одиннадцатая? Что в это время делают седьмая и двадцать третья?

Сороконожка остановилась. Она начала думать о том, как же в самом деле она поступает? Какую ножку ей надо поднять, чтобы продолжать свой танец?

Но она этого не знала. И чем больше она об этом думала, тем больше запутывалась. Так она и осталась неподвижной со всеми своими сорока ножками.

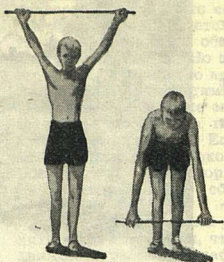
Каждый из вас, ребята, мог бы оказаться в положении сороконожки, если бы вам пришлось всякий раз соображать, как вы должны управлять всеми своими мускулами и сухожилиями. Ведь в любом нашем движении принимают участие десятки крупных и мелких мышц. Делая шаг, мы сокращаем одни мышцы, расслабляем другие, затем третьи. Но мы делаем всё это автоматически, не задумываясь, потому что постепенно привыкали к таким движениям с наших первых шагов и упражняемся в них непрерывно.

Чем сложнее движения, тем больше надо к ним привыкнуть, чтобы наше тело выполняло их механически. И тем чаще надо их повторять, чтобы они не забывались.

За лето вы научились быстро бегать, высоко прыгать, бросать в цель, лазить по деревьям. Ваше тело приобрело много новых навыков. Но если теперь вы будете только сидеть за партой или столом, то боюсь, что весной вам придётся начинать всё сначала.

— А что же нам делать? — спросите вы. — Ведь все стадионы уже закрылись, а уроки гимнастики бывают только два раза в неделю.

Этому легко помочь. Есть три простых

предмета, при помощи которых можно заниматься любыми упражнениями и сохранять все навыки. Это палка, верёвка и мячик.

Попробуйте заглянуть в чемодан боксёра, уезжающего на тренировку. Вы наверняка найдёте в нём детскую скакалку — кусок крепкой верёвки с двумя деревянными ручками на концах. Рядом вы увидите большой кожаный мяч. Это не подарки знакомым детям. Это любимые тренировочные снаряды боксёра, да и не только боксёра, а и гребца, лыжника, атлета.

Прыгая через верёвочку, боксёр развивает мышцы ног и корпуса и приучается точно рассчитывать свои движения. Бросая друг другу и ловя тяжёлый кожаный мяч, боксёры прекрасно развивают мускулы спины, рук и плечевых суставов. Кроме того такая тренировка приучает к быстрой реакции. Нужно быть всё время наготове, чтобы, не сходя с места, поймать мяч, который тебе неожиданно бросит товарищ.

А те из вас, кто бывал на физкультурных парадах или видел в кино фильмы об этих парадах, наверно, помнят, какие разнообразные и красивые упражнения с простыми палками проделывали участники гимнастических выступлений.

Разбудите палки, верёвку и пару мячей — большой и маленький, — и ваше звено сможет успешно заниматься спортом всё то время, пока стадионы закрыты, а катки и лыжные базы ещё не открылись. Этими упражнениями можно заниматься либо у себя на дворе, либо в школьном зале.

Обстругайте несколько ровных нетолстых палок, длиной в один метр, по числу членов звена, и начинайте с упражнений с палками.

Затем можно переходить к прыжкам через верёвочку. Всегда найдутся девочки, которые знают много способов прыгать. Но почему-то этим обычно занимаются только девочки. Мальчикам это тоже не повредит.

Так же полезно играть в большой мяч. Можно встать в круг лицом к середине и перебрасывать мяч друг другу. Можно стать спиной к середине и перебрасывать мяч, быстро поворачиваясь. Можно перебрасывать мяч, не хватая его, а только отбивая руками, как при игре в волейбол.

А затем организуйте какую-нибудь игру. Крепкая палка и маленький мячик нужны для увлекательной игры в лапту. Её знают

все ребята. Играя в лапту, приучаешься не только быстро бегать и сильно и точно бить по мячу, но и воспитываешь в себе меткость, находчивость и ловкость. В этой игре воспитываются те навыки, которые нужны для метания диска и копья, для бросания гранат, для футбола, волейбола, баскетбола и других спортивных игр.

Возьмите несколько больших толстых палок, напилите из них чурок и организуйте игру в городки. Эту игру тоже знают многие ребята, но не все знают, что городки были любимой игрой знаменитого русского учёного академика Ивана Петровича Павлова. Почти каждый вечер после работы он играл в городки со своими помощниками на поляне возле своей лаборатории в Колтушах. Павлову было уже восемьдесят лет, но никто из друзей не мог победить его на городошном поле. Он очень гордился дипломом «чемпиона Колтушей по городкам», который ему торжественно поднесли после одного из состязаний, и говорил, что эта игра — лучший отдых после напряжённой работы.

Если у вас есть толстая и крепкая верёвка, организуйте перетягивание каната. Разделите на две равные партии, отметьте на верёвке тряпочкой середину и положите верёвку этой отметкой на черту, проведённой на полу или на земле. Потом одна партия тянет за один конец каната, а другая — за другой. Кто перетянет? Это — излюбленное соревнование наших мо-

ряков, без которого не обходится ни один городской праздник.

Всё это только несколько примеров тех спортивных упражнений, которыми может заниматься любое пионерское звено. Можно придумать десятки других упражнений.

Важно запомнить только одно. То звено, которое возьмёт за правило каждое утро проводить зарядку, а каждый вечер уделять час-другой физкультуре, будет первым и на стадионе и на лыжной базе. Его пионеры не растеряют тех навыков, которые они приобрели на тренировках, и легче и быстрее будут осваивать новые виды спорта.

И ещё об одном обстоятельстве следует знать каждому пионеру. Лучший отдых от умственной работы — это физический труд. Если в перерыве между приготовлением уроков вы наколите или напилите дров, подметёте двор, вымоете или натрёте пол, накопаете на огороде картошки, — это даёт такой же результат, как занятие гимнастикой. Кровь отольёт от мозга, организм как бы встряхнётся, внимание отдохнёт, и вы с новыми силами сможете взяться за учебники.

Здравствуй, школа!

Елена Благинина

Скромная рябинка у забора
Пышно распыталась, как заря.
Лето на исходе, значит, скоро
В город... До свиданья, лагеря!
Напоследок мы побродим славно,
С лесом попрощаемся, с рекой.
Вот полянка, где совсем недавно
Полыхал костёр, — да ведь какой!
Алое, громадной силы пламя,
Золотом пронзённое насквозь,
Точно развернувшееся знамя
В черноту глубокую взвилось
И повисывало, и сверкало,
И пускало тени в дикий пляс,
И горячим светом обтекало
Нас... И всё, что окружало нас.

Вот ручей. Он совершенно чистый —
Булькает доверчиво, поёт.
А по этой тропочке тенистой
Мы однажды двинулись в поход.
По обочинам качались травы...
И пришли мы в полдень голубой
На поле, где в блеске бранной славы
Шёл когда-то Бородинский бой.
...Где-то близко тараторят жнейки,
Сыплет осень золото в овраг.
На последней лагерной линейке
Полетит по мачте алый флаг...
Здравствуй, школа! Здравствуй, дом
чудесный!

Под высокой кровлею твоей
Заживём опять семьею тесной —
Самую счастливой из семей!

В мире

Книг

Чудесная сила — советский человек!

Ване Румянцеву шёл пятнадцатый год, когда он вступил в Красную гвардию — мстить за старшего брата Сашу...

Окончилась гражданская война. Но и на мирной хозяйственной работе Румянцев продолжал считать себя военным. А на парадах в Москве, на Красной площади, Иван Румянцев, самый молодой из стариков, командовал отрядом ветеранов революции.

Его любимым чтением во все годы были биографии старых большевиков. Читая с Ленине, Сталине, Дзержинском, Фрунзе, Кирове, он говорил себе: «Вот и ты большевик, — значит, должен держаться так же: упреждать ум, волю, физические силы». Над раскрытой страницей ещё и ещё раз проверял себя: «Ну, а ты мог бы поступить так, хватило бы у тебя мужества, воли, выдержки?..»

Настали дни испытаний.

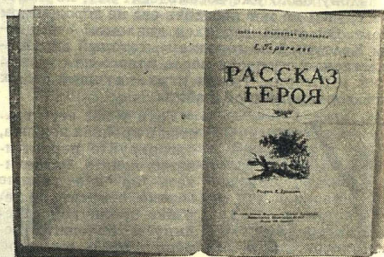
В 1944 году офицер Румянцев, сам тяжело раненый, во главе раненых бойцов плыл через реку Припять. Он должен был служить им примером. Но вот на середине реки судорогой свело и руки и ноги. Кажется, недоплыть. Но «есть где-то у каждого человека внутри такой тайный запасный склад... чтобы хоть раз в жизни открыть его, использовать его богатства, надо многие годы упреждать свою волю. Если у тебя хоть на мгновение ослабнет воля к жизни, если ты скажешь: всё кончено, больше нет сил, — тайник не откроется, ты погибнешь, так и не прикоснувшись к его огромным запасам. А если ты борешься со смертью, не мысля уступить ей, если она хватает тебя, а ты не испугался, сам норовишь схватить её за глотку, вот тут-то и наступает момент такого напряжения, что все запоры лопаются, тайник распахивает свои двери, и поток новой сил выливается в твои ослабевшие, изнеможенные в борьбе мускулы».

И Румянцев доплыл. Привёл куда следует доверенных ему людей. Воля человека победил. Тут же, на берегу, он свалился, потеряв сознание.

Со слов Героя Советского Союза Ивана Николаевича Румянцева писатель Е. Герасимов написал книгу «Рассказ героя».

Румянцев — политработник, заместитель своего командира по политчасти. Он не просто воюет, он воюет так, что каждым своим поступком и словом зовёт людей вперёд, помогает им бить врага — в любой обстановке, при любых обстоятельствах.

Перезаряжая автомат, он говорил бойцу, стрелявшему рядом:

— Помнишь, что сказал Сталин про рыбаков на Енисее, попавших в бурю?

И повторял слова товарища Сталина о том, что не страшна никакая буря, если смело идёшь ей навстречу.

Книга «Рассказ героя» показывает, что война — не парад, не красивая, яркая вспышка минутного подвига, а трудное дело, величайшее испытание всех сил народных. Недаром говорят Румянцев и его друзья, что на войне самый маленький недостаток человека становится большим, что выполнить поставленную долг солдата может только тот, у кого душа «чистая, без соринки»...

Вот они, воины великой битвы, боевые друзья Румянцева, люди высокого долга и большого сердца. Обаятельный, милый Садых — инженер из Ташкента. «Ты слишком нежный для войны, ты же учёный человек, Садых», — говорят ему, — и он отвечает: «Я, Ваня, такой же коммунист, как и ты». Требова- тельный командир Гудзь — «особенный» полковник, у него КП всегда поближе к перед- нему краю, он воюет по формуле: дивизия подпират полки, полки — батальоны. Вялый, медлительный с виду капитан Перебийнос — самый спокойный офицер в полку, но на участке у него всегда всех жарче. Рядовой Дорохов — пожилой человек, но он как-то «перехитрил» военкомат по части возраста и на марше с трогательной старательностью ухаживает за своими ногами — всё боится отстать от части, боится, что отчислят в тыл.

Читаешь об этих людях, и хочется сказать вместе с Иваном Румянцевым: «Какая замечательная сила — советский человек!»

Нат. Типот

Путешествие за тайнами леса

Два мальчика встретили на берегу озера женщину, приехавшую недавно в их местность на лето. Они спросили:

— Который час?

Незнакомка посмотрела на белые цветы кушинок и ответила:

— Пять часов.

— А где же ваши часы? По воде плавают? — усмехнувшись, спросили мальчики.

— Мои часы всюду, — ответила женщина, — их тысячи. Их заводит часовщик — солнце. Раскрывает свои синие венчики цикорий, — значит, сейчас четыре часа утра. Проснулся одуванчик, — уже пять. В восемь вечера раскрывается душистый табак; цветы колокольчика, закрываясь, показывают мне полночь. В любое время дня какой-нибудь цветок говорит, который час.

В другой раз заблудившейся девочке женщина показала дорогу с помощью муравейника.

За таинственной женщиной стали следить любопытные ребятки глаза: может, она даже и не волшебница, но, во всяком случае, ей известны все лесные тайны. Вот бы выведать их, особенно тайну лесных кладов! Почему незнакомка всегда приходит с полным лукошком грибов из того леса, где другие искали-искали и ничего не нашли?

Таинственная незнакомка оказалась не волшебницей, а писательницей, которая хорошо знает и очень любит природу. Она взяла ребят за руки и отправилась с ними в путешествие — на поиски таинственной нити-невидимки, которая помогает искать лесные клады, грибные сокровища.

По дороге путешественники увидели и узнали много необыкновенных вещей.

О китайском веере сыроежки. О «сорокиной бане» — грибе дождевики, о марше лесных путешественников, о «ведьминых кольцах», о том, как гриб съел дом и как гриб печёт хлеб, о том, как судили и казнили барбарис, о чудесном изумрудном зерне, спрятанном в зелёных листьях растений, и о многом другом.

Это замечательное путешествие можете совершить и вы, ребята, читая книжку Н. Надеждиной «Полное лукошко».

Тонкую и нежную нить грибницы писательница сумела превратить в поистине волшебную путеводную нить к тайнам природы. Книжка открывает вам, ребята, обширный мир вокруг нас, обогащает, помогает понять родную природу.

Я спросила нашу Инну, которая только что прочла эту книгу:

— Понравилось тебе «Полное лукошко»?

— Понравилось.

— За что?

— За свои секреты. Очень интересные и очень полезные секреты. Я их стала переписывать, но чересчур крупно вышло. Перепишу обязательно ещё раз, помельче, потому что секретов много и надо, чтобы все поместилось.

«Твои глаза пытливы и зорки, и ты можешь стать искусным искателем лесных кладов. В этих походах в зелёную чащу ты найдёшь и другой чудесный клад — поймёшь и всем сердцем полюбишь прелесть родной природы. И потом, когда вырастешь, станешь большим, куда бы тебя ни забросила судьба, — как самое лучшее и дорогое, вспомнишь весеннюю песню соловья, милую русскую берёзку и снежно-чистые цветы ландыша, точно замёрзшие росинки, повисшие на стебельке. Вспомнишь в минуту усталости — и с новой силой выпрямишься, точно дохнуло в лицо лесной свежестью, точно донёсся до тебя величавый шум леса, голос родной земли.

Так иди же смело вперёд по зелёной тропинке, маленький разведчик природных богатств! ...Тебя поведёт чудесная нить-невидимка.

Лес шумит, лес зовёт тебя...»

Так кончат своё «Полное лукошко» Н. Надеждина, и мне кажется, что она всё же немножко волшебница, потому что лёгким касанием живого слова умеет раскрыть ребятам невидимый (потому что не всегда на него смотрим) чудесный мир вокруг нас.

ЮНЫЕ СТРОИТЕЛИ

Фото Т. Маят

Наверно, все вы читали в сказках о том, как с помощью друзей-пчёл, или муравьёв, или волшебного кольца Иванушка в одну ночь строит красивый дворец.

А вот вам будет без всякого волшебства: молодые строители, ученики школы ФЗО № 33; они работают на скоростной стройке вместе со взрослыми рабочими.

Когда делался этот снимок, они укладывали стены первого этажа. Они сказали фоторепортёру:

— Приходите через десять дней, и мы будем беседовать уже на втором этаже. И действительно, через десять дней ребята работали на втором этаже.

Олег Самошин, Володя Правдин, Вася Назаров, Коля Мысков, Витя Мурашов и Володя Румянцев перевыполняют нормы скоростного строительства. Вместо четырёхсот кирпичей они укладывают по 450—500 штук на звено из двух человек.

Об этих пятнадцатилетних строителях старшие товарищи говорят с уважением.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя школа. — Стихи З. Александровой. Рис. Н. Лапшина	1 стр.	Буксир „Голубчик“. — Рассказ Льва Успенского. Рис. Ф. Лемкуля	23
В одной школе. — И. Розенкоп.	2	О сороконожке, палке, верёвке и мячике. — А. Дорохов. Рис. Я. Титова	36
Путешествие в 1917 год	8	Здравствуй, школа! — Стихи Е. Багшиной	37
Свет Москвы. — Главы из повести Льва Кассиль. Рис. В. Цельмера	12	В мире книг	38
Ваня-стекольщик. — П. Воронко. Рис. В. Цельмера	20	Юные строители	40
		Наш питомник. — В. Корчагина. Рис. Л. Тараканова	IV п. обл.

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Л. Голованова „Всегда готов!“

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: улица „Правды“, 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 19/IX—47 г.	Изд. № 657.	82×110.	1/16 бум. лист.
А-08257.	76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л.	Тираж 58 000.	Заказ 2024.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Всего 10 минут

нужно для того, чтобы сделать
утреннюю зарядку

Гимнастика укрепляет здоровье, увеличивает работоспособность, создаёт бодрое, жизнерадостное настроение.

Летом делай зарядку на свежем воздухе или при открытом окне, зимой — при открытой форточке.

После гимнастики обливайся холодной водой. К обливанию холодной водой начинай приучать себя в тёплое время года.

Наш питомник

В. Корчагина

Мичуринский сад стал рассадником прекрасных садов по всей нашей необъятной стране. В этом деле дорог пионерский почин. Заложите и вы на пришкольном участке хоть небольшой питомник, и, кто знает, быть может, ваш маленький сад станет родоначальником садов целого района.

Отведите ровную с небольшим склоном и хорошо защищённую от ветра деланку — для дичков. Это будет ваш питомник.

Осенью глубоко перекопайте землю и внесите удобрение: старый, перепревший навоз, компост или старый торф из расчёта 6 килограммов на квадратный метр.

Перекапывая землю, ни в коем случае не разрыхляйте её граблями. Между большими пластами земли лучше задерживается снег, почва хорошо промерзает и к весне становится более рыхлой и питательной. Весною перекопайте участок ещё раз и разделяйте граблями.

Семена плодовых деревьев, черенки малины нужно готовить осенью.

Но, если вы посеете семена яблоки, груши или сливы, то через несколько лет из этих семян вырастут растения совсем не похожие на мажоринскую яблоку, грушу или сливу. Поэтому садоводы сначала выращивают на семях так называемые «дички» (подвои), на которые потом прививают культурные сорта. Выносливый подвой вылезает и на привитые культурные сорта, они делают более стойкими и выносливыми.

Лучше всего выращивать дички из семян диких морозостойких и выносливых плодовых деревьев. Можно собрать и семена антоновки и аниса, дички, выросшие из семян этих сортов, также морозостойки, как и дички дикой яблоки.

Семена подсушите, рассыпав на два-три дня на столе, и сохраняйте их в бумажных пакетиках или спичечных коробках в сухом месте.

В конце осени или в начале зимы, перемешав семена с чуть влажным песком (одна часть песка на четыре части семян), сыпьте в глиняный горшок и перенесите в подвал или заройте где-либо в саду. Чтобы мыши не добрались до семян, горшок закройте куском стекла.

Это делается для того, чтобы семена дозрели и дали хорошие всходы. Садоводы называют такую подготовку семян стратификацией. Без стратификации семена плодовых растений не прорастают.

Если бы семена прорастали осенью, сразу же после созревания плодов, то молодые всходы погибли бы зимой. В течение многих веков растения приспособились к зиме. Осенью яблоко падает с дерева на землю, всю зиму оно пролежит под снегом, а к весне, когда яблоко стигнет, дозревшие семена попадут в почву и прорастут.

Весною, когда земля подсохнет, высейте семена. При появлении у сеянцев третьего листочка сделайте пересадку (пикировку). Расстояние между сеянцами — 50 сантиметров, между рядами — 1 метр. При хорошем уходе, поливке, рыхлении, удобрении в питомнике вырастут крепкие, выносливые дички. На третье лето вы сможете их привить.

Годные кустарники и землянику размножают черенками, отводками, усами и корневыми отпрысками. Саженьцы малины заготовить очень легко, если есть взрослые кусты малины. Отделите от кустов малины корневые отпрыски — молодые побеги, растущие в изобилии вокруг взрослых посадок, — и саженьцы готовы. Их можно сразу же посадить на постоянное место в сад.

Осень — лучшее время для заготовки молодых отпрысков малины. Отпрыски выкапывайте вместе с частью материнского куста, а потом подрежьте их так, чтобы после подрезки стебли их были не длиннее 15–20 сантиметров. Корни отпрысков должны иметь хорошую мочку и несколько почек, расположенных у корневой шейки.

Сморородина красная, белая и чёрная размножается делением старых кустов, отводками и черенками.

Заготавливать черенки смородины лучше всего осенью (как это сделать, прочитайте в № 2 нашего журнала). Отпрыски малины и черенки смородины, связанные в пучки, закопайте где-нибудь в саду или в подвале во влажном песке.

